

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ISSN 2225-0271

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 4 (121) 2018
июль — август

**Тема номера:
КАК ДЕЛИТЬСЯ ТЕМ,
ЧТО НЕ ДЕЛИТСЯ?**

- Глава Российского Императорского дома Романовых — наша гостья
- Аллегии игумена Варлаама
- Советское кино: ждать или искать чуда?

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ДЕЛИТЬСЯ ТЕМ, ЧТО НЕ ДЕЛИТСЯ?

Протоиерей Валентин Уляхин – Павел Демидов
Отмеченные Господом 4

Сергей Комаров
Дикобразы находили выход из положения 6

Мария Романова – Елена Клиноква
Эра милосердия 8

Лариса Беляева
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста... 12

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Наталья Прохорова
«...Яко аз усердно к тебе прибегаю...» 14

МИР ВОКРУГ НАС

Сергей Савцов
Чудо рядом и всегда.
«Святой источник пророка Божия Илии...» 20

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Архивариус
Литературное паломничество в монастырь,
которого нет на карте 21

ИЗ ДНЕВНИКА СЕЛЬСКОЙ МАТУШКИ

Марина Захарчук
Платочки Белые 24

МИР ВОКРУГ НАС

Павел Басинский
Правило, которое никогда не следует забывать 27

Александр Шпагин
В ожидании чуда 30

Вадим Рутковский
Свидетель многих судеб 34

СТРАНА СЛОВ

Аллегии игумена Варлаама
Странствия Капли 37

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине lampada-press.ru

Настоятель
священник Димитрий Туркин

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (**подписка,
распространение, реклама**)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Ставропигиальный мор-
ской Никольский собор города Крон-
штадта. Фото Вадима Рутковского

Адрес редакции:

125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.

Выход в свет 23.07.2018

Цена свободная

**Этот номер вышел заботами
рабов Божиих Алексея и
Александра.**

Храни их Господь

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы

Сбербанк России г. Москвы

ИНН 7712050269

р/с 40703810938080100250

БИК 044525225

к/с 30101810400000000225

КПП 774301001

Отпечатано

в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, Московская обл.,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:

+7 (495) 745-84-28

+7 (49638) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ № 697

© Лампада, 2018

**СОЮЗ
ЖУРНАЛИСТОВ
РОССИИ**

Журнал – лауреат
премии Союза
журналистов РФ
в номинации
«За верность теме»

Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился...
Лк. 10:33

Отмеченные Господом

Беседа с давним автором и другом журнала настоятелем храма Святой Живоначальной Троицы в Кузнецях протоиереем Валентином Уляхиным. И когда батюшка чрезвычайно занят, а это, как правило, всегда, и когда он в отпуске, как сегодня, не было случая, чтобы он отказал нам во встрече. Мы очень ценим его отношение к «Лампаде» и всегда глубоко благодарны ему.

— Итак, отец Валентин, как делиться тем, что не делится по своей природе?

— Что вы имеете в виду?

— Выражаясь научным языком, я имею в виду нематериальные субстанции. В частности, связанные с состоянием человека. Ощущение одиночества, грусти... Ощущение счастья. Или как передать любовь? Или как, напротив, взять от человека грусть? Вы знаете рецепт?

— Чтобы быстрее достичь цели, надо начать, как ни странно, издалека. В западном христианстве до сих пор идут дискуссии: к кому обращает Свои слова Христос — к ученикам или просто к последователям? К избранным или к широкой массам? Вспомним притчу из Евангелия от Луки. Человек хочет построить башню, или, чтобы понятнее, башню. И вот он прежде сядет и все рассчитывает: хватит ли ему цемента, материалов, камней, средств, сил, времени? Или царь, собираясь на войну, сначала проведет рекогносцировку: сколько перед ним противника, каковы его позиции, ну и так далее. И выяснит, сможет ли он пойти со своими десятью тысячами против двадцати тысяч противника. Это и есть подготовиться к цели, начиная издалека. Может показаться, что я игнорирую ваш вопрос. Но не будем спешить. Хочу привести еще пример, из «Евангелия от Фомы», оно пришло к нам из Египта. Текстологический и тщательный компьютерный анализ текста этого «Евангелия» показал, что он очень гармоничен словам Христа, Его лексике, употребляемым Им грамматическим конструкциям. Так что есть основания считать, что оно не придумано кем-то, а имеет прямое отношение к Спасителю. Оно не вошло в канонический свод, так как в нем много жестокого. Но в нем, в частности, есть притча, которая тоже подходит к нашему разговору. Когда разбойник отправляется на свое «дело», то прежде он должен проверить силу и надежность своей руки, вонзив меч в стену. Что роднит все эти примеры с темой нашей беседы? Под

ними подводят черту удивительные слова Господа: тот, кто желает быть Моим учеником, должен отрешиться от всего. Иными словами, прежде чем решиться на поступок, нужно оценить свои силы, проверить себя. Мы считаем, что этот призыв Христа адресован к каждому из нас. В идеале оно, конечно, так, но идеальных ситуаций практически не бывает. Такое просто невозможно. Много ли подлинных учеников и последователей Христа мы можем насчитать за наши два тысячелетия? Кто из нас в силах отрешиться от всего? Никто. Восемьдесят процентов нашей аудитории, я не беру вообще всю массу людей, нуждаются в том, чтобы их направляли, подправляли... Это так называемое пассивное большинство. Их можно разворачивать в любую сторону. Когда-то большевики и направили их туда, куда им было нужно. А если через 50 лет ислам еще сильнее активизируется, эти «послушные» потихонечку начнут соблюдать какие-то мусульманские обычаи, затем, может, и на церкви ополчатся... Разве не было так в прошлом веке? Было же. И к ним тоже адресованы слова Христа? Никак. Мы знаем, что Он никогда не говорил зря, то есть впустую. А обращаться к таким людям и есть говорить зря.

— Вы имеете в виду, что эта категория людей как раз из тех, кто не может делиться неделимым?

— Не так примитивно, не так. Речь о том, что делиться тем, что неделимо, дано далеко не каждому. Именно этих людей касается наша тема. Если хотите, — избранных, тех, кого Господь называет малым стадом.

— Но так ли уж оно мало?

— А сколько у нас крещеных? И сколько действительно верующих, подлинно воцерковленных? Соотношение сами знаете какое. А тех, кто действительно может отрешиться от всего и пойти за Христом, — один — три процента от последней категории. Вот и считайте. Именно они и составляют ядро тех, о ком вы спрашиваете. Это люди, которые имеют харизму. Не в ее нынешнем, без-

разборчивом смысле, а в том, что идет из древнегреческого. Харизма — это особый дар. Именно в таком значении это слово употребляли еще Тертуллиан и Сенека. Но достается он очень недешево.

— Дар — казалось бы, то, что дается даром. Разве не так?

— Так-то оно так. Но Господь дает дар достойному. А достойным надо стать. Это и есть цена за дар Божий. Вспомним отца Алексия Мечева. Когда в 1893 году он пришел в храм святителя Николая, что в Кленниках, там практически не было прихожан, если не считать двух с половиной бабулек. Он начал служить и восемь лет, можно сказать, проповедовал камням. А через восемь лет его храм стал самым популярным в Москве. Вот что может сделать способность человека отдавать себя ближнему, принимать на себя боль другого. Мы принимаем крест другого человека и несем его как собственный. Однако много званных, но, увы, мало избранных. Именно они, повторюсь, и есть избранники Божии. Те люди, о которых вы говорите, — это подавляющее меньшинство.

— Огорчительная правда, но с нею нельзя не согласиться. Но есть хотя бы надежда, что ряды бойцов будут пополняться?

— Прогнозирование — не моя профессия. Лучше вспомним Спасителя, Который говорил: «Найду ли веру на земле?». Но хочу особо подчеркнуть, Павел Павлович: розовые очки — вещь соблазнительная, так и тянет водрузить их на нос. Пусть нас не прельщает формальная благостность, не будем забывать о сути. Можно быть продвинутой батеи, который и Афон знает вдоль и поперек, и обложен чудотворными реликвиями, а вокруг него — вакуум, пустота, безлюдье. Иоанн Кронштадтский, например, молился в своем Андреевском соборе перед ничем не примечательной современной иконой XIX века. Никакие древние образа его не привлекали. Хор у него был партесный, никакой не знаменный распев, самый обыкновенный современный хор. А святости он достиг такой, что дух захватывает. Почему? Потому что он оказался в числе избранных, которые отдают себя ближнему. Дар? Дар. Но не тот, за которым протянул руку, взял с полки и пошел себе обогащенный. Надо отрешиться от всего: от материальных, моральных, духовных и прочих, если

таковые еще существуют, имений. От всего, что дает лично нам тот или иной комфорт. Господи, до чего же это трудно! Как много и настойчиво надо работать над собой!..

– **Насколько я понимаю, вопрос больше не в том, как это делать, а кто это делает.**

– Именно так! Именно так! Вы совершенно правильно понимаете. Это люди-харизматики. К сожалению, даже среди священников таких людей очень мало. Кто обладал бы такой яркой харизмой самоотверженности, устойчивой веры. Это дар, за который нужно расплачиваться собой.

– **Для этой категории людей вопрос, как это делать, не существует.**

– Не существует. Совершенно верно! Это их естественное состояние, которое поддерживается, достигается, воспринимается и удерживается постоянным совершенствованием самого себя. «Будите... совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5:48). Это и в Ветхом, и в Новом Завете. «...Святи будите, яко Аз свят есмь» (1 Пет. 1:16). Это же самые главные слова!

– **Но есть же люди и нехаризматического типа, и их, как известно, большинство. Но и многие из них хотят поддержать кого-то. Как быть им? Что им делать? Ведь такая суровая статистика – один – три процента против девяноста семи – может повергнуть кого-то и в уныние: куда уж, мол, мне тянуться за избранными... Или им нужно сначала о себе подумать? О своем самоусовершенствовании? Так получается?**

– Как при подготовке к любому экзамену, в нашем случае такое необходимо. Нужно серьезно и вдумчиво пересмотреть всю свою жизнь. Отношение ко всем без исключения сторонам своей жизни. К браку, к дружбе, к ближним и дальним. И в русле подвига Христова все это скорректировать. И тогда уже на основе собственного критического опыта, когда станет понятнее собственный потенциал, очень осторожно, осмотрительно, но не снимая с себя напряжения, приступить к доброделанию. Иначе можно скомпрометировать и Христа, и самого себя, и просто опозориться.

– **И никакой пользы не принести.**

– Никакой пользы. И последнее будет горше первого.

– **Нет ли в этом другой опасности? К тебе вопиют, взывают о помощи, просят хотя бы сочувствия. А ты гово-**

ришь: подожди, мне не до тебя. Я должен себя сперва усовершенствовать, стать достойным этой высокой миссии, а вот тогда я и помогу тебе.

– О, вы знаете, это не более чем уловка бесчестного, бессердечного человека. Вспомните притчу о добром самарянине. Все прошли мимо оказавшегося в беде – и левит, и простой путник... И только самарянин остановился, чтобы помочь ему. А именно он, отверженный и презираемый, что называется, с чистой совестью мог бы сказать: я недостоин помочь тебе. Но он не только перевязал его раны, но довел до гостиницы и обещал хозяину возместить возможные расходы. Это ли не ответ на ваш вопрос?

– **Как жаль, что у нас не все читают Евангелие!..**

– Действительно, очень жаль. И не только для этого случая. Но если не отклоняться от темы, необходимо сказать, что процесс творения добра – вещь очень непростая. Вместе с тем лучшим, что мы хотим передать, незаметно, против нашего желания, как бы исподтишка может проскользнуть такое, что покоробит, деформирует другого человека. А может и убить.

– **То, что вы говорите, отец Валентин, очень ложится мне на душу. На мое представление об этом вопросе. В одном православном издании я прочитал рассуждение автора – он не священник, мирянин – на близкую тему. Там меня смутил некий, я бы сказал, примитивный подход. Если, мол, человек одинокий – позвоните ему, скажите ему какие-то слова. Мне кажется, что такое кошатье отношение может ввести человека в большее уныние. Заставить ощутить себя еще более одиноким. Ты звонишь ему бодрый, довольный жизнью, а тому будет только хуже.**

– Конечно. Лучше помолиться за такого человека. Я уж не говорю о том, что сначала нужно присмотреться к нему. Вплоть до того, чтобы разобраться, что это за психотип. Постараться понять его, приблизиться к нему. Если вы чувствуете, что между вами возникли какие-то связи, появилось тепло в ваших отношениях, тогда телефонный звонок может быть полезен. Но все это нужно делать очень осторожно, что называется, ощупью.

– **Творение добра, помимо того, что сложный процесс, – это и большой труд. Прежде всего труд над самим собой.**

– Христос обращал Свои слова именно к тем людям, которые были готовы совершить над собой это усилие, этот подвиг самоотвержения, самопожертвования.

– **Это очень трудно.**

– А Царство Небесное чем нудится? Трудом? То-то и оно. Но ведь вы помните, что даже Никодим, придя ко Христу, сказал, что никак не поймет, как можно родиться заново.

– **Наверное, по этой причине – потому, что трудно, – превалирует, если так можно сказать, арифметический подход при определении масштаба доброделания. Сколько проведено мероприятий таких-то и таких-то, посещений, поздравлений и прочего. Я понимаю, что и без этого нельзя. Но порой арифметика начинает заменять высшую математику.**

– Добрые дела, согласен с вами, – это все-таки прежде всего качество, а не количество совершенного.

– **«Вы должны сделать это» – нередко это выглядит как дисциплинарное поручение. Лично мне, честно говоря, трудно представить, как движение сердца, порыв души может совершаться по чьему-то указанию.**

– В основе такого поведения лежит совершенно иной принцип: это, если хотите, обмен компенсациями. Мне компенсируются Богом мои усилия, которые я приложил, чтобы разделить с человеком то, что не делится. То есть мою десятину добра, сделанного людям, Господь мне вернет. Уж в какой форме, как будет выглядеть Господня десятина, мне не ведомо, к тому же правая рука не должна знать, что делает левая. Мне ведомо главное – Господь меня Своим вниманием не оставит. Венец от Него мне уготован.

– **Кому-то может показаться, что речь идет чуть ли не о своего рода бартере между человеком и Господом: я – кому-то, а Господь за это – мне.**

– Ни в коем случае! Человек видит, даже не видит – интуитивно чувствует, что кто-то нуждается в чем-то, и он ему помогает. Это должно быть безотчетно, на уровне безусловного рефлекса.

– **Простите, но вынужден воспроизвести знакомую ситуацию. Пьяница, бомж. Стоит на паперти с протянутой рукой. Ноги едва держат его. Видно, что хмель из него почти никогда не выходит...**

– Все понятно! Подать ему или не подать? Вечный вопрос наподобие гамлетовского. У вас есть глаза, есть мозги.

Вы видите и понимаете, что его поведение самоубийственно. Хотите соучаствовать, чтобы выполнить свою миссию добра? Подайте. Он выпьет еще бутылку и умрет. А бутылка, между прочим, куплена на деньги, которые вы добровольно дали ему. Говоря современным языком, вы профинансировали чей-то суицид. Вы – добрый? Заслуживаете венцов от Господа? Венцы будут, но от кого – думаю, нетрудно догадаться. Этот случай не сродни тому, после которого стало бессмертным выражение «О святая протота!».

– **Вы имеете в виду эпизод при сожжении Яна Гуса?**

– Именно. Когда какая-то сердобольная старушка добавила хворосту в костер, на котором заживо горел приговоренный к смерти мятежник. Она не желала ему зла – напротив. И Гус воскликнул: «O sancta simplicitas!». Она не могла изменить приговор инквизиции, но попыталась, как могла, хотя бы сократить его страдания. А наш, с позволения сказать, добряк предопределяет судьбу другого человека. Есть разница, и немалая. В подобных неоднозначных ситуациях лучше всего обратиться за советом. Кто безошибочно его может дать? Ко-

нечно, Господь Бог! Обращение к Нему существует одно – молитва.

– **А как, по-вашему, есть вопрос: ждать, когда к тебе обратятся за помощью, или, не дожидаясь, проявлять инициативу? Ведь есть люди, которые не хотят, чтобы им помогали, а ты вроде бы навязываешься. Как тут быть?**

– В древности фонарь называли оком. Он освещал все вокруг и не давал нам споткнуться. Если око твоё чисто, то и все вокруг тебя понятно, верно? Нужно иметь чистое око, только и всего. Разумеется, смысл этого слова в контексте нашего разговора куда шире и глубже. Чистое око – это и твоя чистая душа, и твои чистые устремления и намерения, и чистая совесть. Тогда и душа другого человека откроется перед вами книгой, доступной для чтения.

– **И последний вопрос, отец Валентин. Вроде напрямую и не связан с темой, но меня он беспокоит давно. Есть выражением: «Друг познается в беде». Меня это утверждение смущает, и вот почему. Мне кажется, что подлинный друг познается в радости другого человека. Потому что разделить радость значительно труднее, чем проявить**

снисхождение и участие к тому, кто находится в беде. Начинает заявлять о себе гордыня: вот, мол, ты можешь снизить до него, ты можешь ему помочь, какой ты и так далее...

– Абсолютно верно! Бог устроил радость Своим подданным: Он женит Своего сына. И созывает брачный пир. На эту радость должны все прийти! Но один говорит: извини, я только что женился, не смогу; другой – я купил пять пар волов, мне их нужно испытать... и так далее...

– **Господь действительно призывает нас разделить с другими радость: с тем, кто нашел пропавшую овцу, кто обрел затерявшуюся драхму...**

– Закон здесь прост. Если вы с кем-то делите печаль, вы ее уменьшаете. Если делите радость – она увеличивается, потому что ты радуешься тоже, радуешься за него. Уметь радоваться радости другого – высшая проба качества человека.

– **Благодарю вас, отец Валентин. Очень признателен вам за нашу встречу и беседу.**

– Храни вас Господь!

*С о. Валентином Уляхиным
беседовал Павел Демидов*

Сергей Комаров

ДИКОБРАЗЫ НАХОДИЛИ ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Мы совершаем множество ошибок в отношениях друг с другом. Мы можем делать неправильно даже самые простые, на первый взгляд, вещи – например, утешать. Как те друзья библейского Иова, пришедшие поддержать его. Их бронейно-рассудительное морализаторство вырвало у праведника горький упрек: «...все вы бесполезные врачи» (Иов 13:4).

Часто мы становимся такими бесполезными врачами, прикасаясь к чужой душе без любви, осторожности, такта. Когда сердце – как окровавленный лоскут, нервы напряжены до предела, каждое наше слово может стать острым клинком, впивающимся в живую ткань. Оказывается, не так просто иногда бывает выполнить апостольскую заповедь: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Рим. 12:15). Чтобы искренне радоваться или плакать вместе с кем-нибудь, надо любить его – а любви у нас не хватает.

Когда мы находим того, с кем можно поделить печалью, наша печаль уменьшается. Любящий нас человек как бы берет часть нашего груза на себя. Когда мы делимся с тем же другом нашей ра-

достью, она увеличивается. С верным другом скорбь уменьшается, а радости становится больше. Но где найти такого друга, с которым можно было бы делиться неделимым? Наверное, прежде нужно стать таким другом для кого-то, и тогда друг появится у тебя. Как в евангельской притче – в ответ на вопрос «Кто мой ближний?» Христос рисует образ милосердного самарянина, а потом говорит: «Иди, и ты поступай так же» (Лк. 10:37). Иисус обращает вопрос к задающему его и как бы спрашивает: «А ты для кого сделался ближним?».

* * *

«Меня никто не любит. Я несчастлив. У меня было трудное детство. Меня

не понимают. Я одинок...». Кто из нас не проговаривал в своем сердце какой-нибудь из этих тезисов, жалея себя и одновременно мучая? Часто эти мысли становятся препятствием на пути к другому человеку. Но чувство счастья и полноты жизни возвращается к нам только тогда, когда мы сердцем поймем: «Меня никто не любит, потому что я никого не полюбил по-настоящему; я несчастлив, потому что сам никого не сделал счастливым; я обвиняю свое трудное детство, но никому не облегчил его детские годы...». А поняв, начнем действовать. Удивительно, но мы ведь можем дать другим то, чего не имеем сами, – помощь, заботу, любовь, нежность, внимание. Сможем, если захотим! Да и Бог обязательно поможет. И тогда все эти компоненты счастья начнут приходить и в нашу жизнь. Как в фильме «Дневник сельского священника» – кюре, преподав мир графине, произносит про себя: «Сколько чудесно, что мы способны давать другим то, чем не обладаем!».

Мы все время забываем о том, что делиться, казалось бы, неделимым – грустью, радостью, одиночеством, любовью – можно не только словами. Мы порой слишком надеемся на свое слово, ибо живем в век болтовни. Мы говорим, говорим, говорим... Рождаем тысячи слов, которые никого не спасут и никому не сделают жизнь легче. А чаще всего надо просто взять и сделать что-то маленькое; какое-то небольшое, но осязаемое добро. Оно и будет материализацией нашей любви или же исцеляющим выражением нашей грусти.

Знакомый психолог рассказывал, как иногда к нему приходят люди, жалующиеся на потерю смысла бытия. Некоторым он предлагает... съездить в детдом. Кто-то с возмущением отказывается, а кто-то едет. Они приезжают и понимают простую вещь: да они ведь счастливы! Счастливы потому, что у них было нормальное детство; они физически здоровы, одеты, обуты, всем обеспечены; у них есть родственники, друзья и знакомые. Потерявшие смысл жизни клиенты психолога видят перед собой детей, у которых уже никогда не будет всего того, что у них есть сегодня и было всегда, – и внутренне прозревают.

Жизнь многих с тех пор меняется. Они становятся волонтерами, ездят в детские приюты и дома престарелых. Заводят дружбу с брошенными детьми и начинают помогать им. Хандра уходит, появляется живое чувство реальности бытия, ощущение того, что ты действительно кому-то нужен и способен сделать жизнь другого человека хотя бы немного светлее. «Вы изменили меня и мою душу», – говорят они врачу. А ведь пациенты всего лишь столкнулись с подлинным человеческим горем и научились делать малое добро.

Малое добро – самое трудное, потому что незаметное и как бы ненужное. Малое и ежедневное добро тяжелее творить, чем поднять какой-то единичный большой подвиг. Мы вообще пренебрежительно относимся к малому доброделанию, потому и неспособны сделать что-то большое.

«Существует некий “гипноз больших дел”»: “надо делать какое-то большое дело – или никакого”. И люди не делают никакого дела для Бога и для души своей. <...> Если бы люди были мудры, они бы все стремились на малое и совсем легкое для них дело, через которое они могли бы получить себе вечное сокрови-

ще. Великое спасение людей в том, что они могут привиться к стволу вечного дерева жизни через самый ничтожный черенок – поступок добра. <...> Итак, малое, самое легкое добро оставил на земле Творец творить человеку, взяв на Себя всё великое. И тут через того, кто творит малое, Сам Господь творит великое», – писал архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

* * *

Нам трудно жить без того, чтоб отдавать себя кому-то и питаться от другой души. Всем нужно делиться неделимым – утешать и получать утешение, любить и быть любимыми, рассказывать о чем-то и выслушивать другого. Но здесь есть проблема. Подпуская человека слишком близко к себе, мы чувствуем дискомфорт из-за вторжения в глубины нашего сердца и неминуемую горечь непонимания.

Эту ситуацию в свое время описал Шопенгауэр в своей знаменитой «дилемме дикобразов». Когда дикобразам холодно, они прижимаются друг к другу и согреваются. Почувствовав боль от уколов игл, животные расходятся, но вскоре от холода сближаются вновь, постепенно находя необходимое расстояние. Так и нас внутренние холод и пустота толкают друг к другу, но, получив взаимные раны, мы разбегаемся – для того, чтобы вновь сойтись, когда одиночество сделается непереносимым. Светский этикет и общепринятая культура поведения есть не что иное, как безопасное расстояние между нашими одиночествами.

Ответ на шопенгауэрскую «дилемму дикобразов» – только в деятельной любви. Любовь ломает систему волчьих законов мира сего, выводит нас из этого порочного круга. В жестоком мире, где каждый живет своими интересами, где все продается и покупается, где правят власть и деньги, где царит эгоизм, – в этом падшем мире действует чудо любви. Оказывается, не все продается и не все покупается – ведь любовь купить нельзя. Человеческое сердце не купишь. Любовь жива, она есть, и через все кошмары реальности она пробивается, как травинки через асфальт.

Почему Христос поставил на первое место любовь к Богу, почему она есть «первая и наибольшая заповедь» (Мф. 22:38)? Потому что все в ней, в любви. Она – альфа и омега, начало и конец христианства. Даже и начало духов-

ной жизни – покаяние – имеет корни в той же любви. Покаяние ведь есть явление положительное, а не отрицательное. Насколько любишь Христа, настолько искренне будешь каяться. Если действительно любишь Бога, убоишься грешить. Полюбишь Господа очень-очень сильно, как святые, – совсем грешить перестанешь (по крайней мере, осознанными грехами). Как и пишет Иоанн Богослов, апостол любви: «Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога» (1 Ин. 3:9). Только во имя любви к Богу, к чистоте и святости начинает человек трудиться над изменением себя и разделительную ставит черту между своей прошлой жизнью и настоящей.

Любовь нужно приобретать и делиться ею – словом, делом, взглядом. Да, мы обречены делиться тем, чего мало у нас самих. Но практика показывает, что, когда начнешь заставлять себя любить и идти против своего эгоизма – откуда что берется! Потому что, рискуя любить, пусть даже через малое добродетельное, мы вступаем «во мрак, где Бог» (Исх. 20:21), мы входим в область чуда – и Творец дает нам силы любить, хотя мы ощущаем себя бессильными. Мы становимся участниками чуда, потому любовь есть главное чудо нашего бытия. Любовь – это дыхание Бога на земле.

* * *

Итак, как делиться тем, что не делится? Свое состояние необходимо превратить в нечто осязаемое, абстракцию сделать конкретной – нужно восполнить дефицит малого добра, делаемого ради Христа. Это путь, и путь непростой. На этом пути заканчивается болтовня и начинается практика христианской жизни. Как скучно порой бывает от наших бесконечных разговоров и как необходимо сейчас конкретное добро – кровавое, простое, человеческое. Оно не сможет ранить, и его невозможно «неправильно понять» – оно говорит само за себя, лечит и утешает лучше любого слова. «...всегда ищите добра и друг другу и всем» (1 Фес. 5:15) – эта заповедь апостола Павла сегодня должна быть понята конкретно-жизненно, просто и без излишней философии. Время творить добро и делиться подаренным от Господа. А для этого необходимо почаще вступать «во мрак, где Бог» и не бояться рисковать ради великого чуда любви.

Эра милосердия

Глава Российского Императорского дома Романовых великая княгиня Мария Владимировна отвечает на вопросы «Лампады»

– Известно, что в Первую мировую войну движению сестер милосердия покровительствовала семья Романовых. Во время революции и после нее оно, как и многие другие благие дела, сошло на нет. В советскую пору сестер милосердия превратили в «младший медицинский персонал», а позже появилась должность медсестры. Служение стало службой. Но можно ли считать такую замену адекватной? Каково на этот счет мнение Императорского дома?

– Профессиональный уход и традиции милосердия ни в коем случае нельзя противопоставлять друг другу. Это качественно разные институты. Хотя и профессиональные медики никогда не должны исполнять свои обязанности бездушно и механистично, без сочувствия и любви к больным. А те, кто хотят добровольно помочь страдающим от болезни, но не имеют специальных знаний, не смогут сделать это качественно, если не станут постоянно равняться на профессиональных докторов и санитаров.

Это всегда понимали и лучшие представители врачебного сообщества, и благотворители. Мнение нашего Дома здесь отнюдь не уникально и не расходится с общепринятым.

О том, как именно представители нашей династии старались воплотить

Сострадание. Как любое внутреннее состояние человека, оно может быть действенным лишь превратившись из слова в дело. Лучшие дру-
гих это, пожалуй, знают сестры милосердия.

Так называли женщин, которые посвящали себя очень тяжелому, но прекрасному труду – служению людям, когда к ним приходит беда, будь то болезнь или ранение на поле боя. Люди, осознающие помощь ближнему как свой долг, принимающие чужую боль как свою, способны вынести тяжкие испытания и не потерять человечности и доброты.

О милосердии, о человечности, о традициях бескорыстного служения как в добровольном, так и в профессиональном уходе за больными наша беседа с Главой Российского Императорского дома Романовых Е.И.В. великой княгиней Марией Владимировной.

Елена Климова

в жизнь принципы милосердия, можно долго рассказывать. Здесь не обойти всех без исключения цариц и императриц. Они традиционно отдавали много сил попечению о больных, увечных и раненых.

– Ваше Величество, назовите, если можно, хотя бы несколько имен. Сегодняшнее поколение, уверена, услышит их впервые.

– Создательница Крестовоздвиженской общины сестер милосердия великая княгиня Елена Павловна. Святая Украинской Православной Церкви великая княгиня Александра Петровна, основательница Покровского монастыря в Киеве и при нем бесплатной лечебницы, приюта, амбулатории и аптеки. Преподобномученица великая княгиня Елисавета Феодоровна, устроительница Марфо-Мариинской обители милосердия. В ней образцово соединились исполнение Христовой заповеди помощи ближнему с профессиональными медицинскими знаниями и навыками. Самоотверженные труженицы – святые мученицы государыня Александра Феодоровна и ее дочери великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Они не только покровительствовали различным обществам, но и лично исполняли обязанности сестер милосердия. Не могу не назвать мою прабабушку великую княгиню Марию Павловну. Ее трудами были созданы лазареты для солдат, летучие санитарные отряды по-

мощи раненым на поле боя, склады медикаментов и белья. А как можно забыть мою бабушку – государыню Викторину Феодоровну, которая сама выезжала с санитарным отрядом на боевые позиции, попадала под огонь неприятеля!..

Это может быть весьма длинный рассказ. Думаю, каждый, кто интересуется, найдет достаточно сведений в книгах, статьях и интернете. Но несоизмеримо длиннее будет повествование о подвиге тысяч соотечественников и соотечественниц – врачей и сестер милосердия. Даша Севастопольская, Екатерина Бакунина, Екатерина Хитрово, Юлия Вревская, Елена Чинова (урожденная фон Дрейер), и это лишь ничтожная часть списка славных имен. О многих память, к сожалению, утрачена или затерялась в информационных пластах. Но дух, которым они питались и который оставили после себя, должен жить в душах всех нас. Особенно когда мы получаем счастливую возможность облегчить страдания людей.

Тем, кто сделал это служение своей профессией, – низкий поклон. Тем, кто хотя бы иногда добровольно помогает, движимый своим сердечным стремлением, – огромная благодарность. Самое главное – всегда быть вместе, поддерживать друг друга и помнить, что милосердие – одно из главных качеств человека как образа и подобия Божия.

– Раз уж мы заговорили о божественном... Какую роль в возрожде-

нии традиций милосердия может играть Православная Церковь?

– Милосердие присуще самой природе человека. Во всех религиях это одна из главных добродетелей. В нашей же православной христианской вере без милосердия земная жизнь и спасение души для вечной жизни просто немислимы. После Крещения Руси Церковь в нашем Отечестве веками создавала и выстраивала систему благотворительных учреждений, в том числе, естественно, медицинских.

Послереволюционные богоборческие гонения эту систему беспощадно разрушили. Милосердие могло быть делом сугубо личным и индивидуальным. Да и то духовенство часто подвергали репрессиям – за «религиозную пропаганду». Однако невозможно уничтожить то, что заложено в человека Богом. Потому традиция вечно жива. Она хранится и возрождается, как феникс из пепла.

Едва преследования прекратились и Православная Церковь получила

свободу, она тут же начала воссоздавать свои благотворительные учреждения. При Священном Синоде, как известно, существует отдел по церковной благотворительности и социальному служению. Ныне его возглавляет замечательный архиерей – владыка Пантелеимон. Еще в начале 1990-х он создал при 1-й Градской больнице в Москве Свято-Дмитриевское сестричество и училище сестер милосердия. Вновь появились детские приюты, дома для престарелых и инвалидов, столовые для бедных, иные благотворительные общества. Призывы патриарха Кирилла, инициативы архиереев и священников находят отклик в масштабных акциях по сбору средств для пострадавших от войн, катастроф и стихийных бедствий.

Сестры милосердия: Государыня Александра Феодоровна (крайняя справа), фрейлина Анна Вырубова (рядом), великие княжны Анна и Ольга. Царскосельский лазарет. Дата съемки указана на фотографии

Возрождена Марфо-Мариинская обитель милосердия. Успешно работает церковная Центральная клиническая больница имени святителя Алексия. В Санкт-Петербурге именно православным священником протоиереем Александром Ткаченко создан Первый детский хоспис. Я называю только некоторые, наиболее заметные, учреждения, которые и сама имела возможность посетить. Колоссальная работа ведется в регионах, во всех уголках России. Всюду, где есть возможность, создаются самостоятельные церковные благотворительные учреждения. Там, где сил и средств еще не хватает, светским медицинским и социальным учреждениям помогают общественники-добровольцы.

Конечно, не без проблем: созидать всегда труднее, чем разрушить. Но грустно, когда огромная жертвенная работа замалчивается, а из ошибок, неизбежных при «болезни роста», пытаются выстроить в общественном сознании какую-то негативную картину.

Русская Православная Церковь, следуя евангельскому учению, всегда будет творить дела милосердия, и ее роль в социальной жизни России, я уверена, будет только возрастать.

– Случалось ли Вам общаться с современными российскими медиками? Какое впечатление они произвели на Вас?

– Естественно. Ведь один из приоритетов Императорского дома – благотворительная деятельность, а она в большей части связана именно с помощью медицинским учреждениям. Моя мама великая княгиня Леонида Георгиевна договаривалась о благотворительной доставке в Россию лекарств и медицинского оборудования. Конечно, при этом мы советовались с врачами:

что требуется в первую очередь?

Должна сразу сказать, что российские врачи в большинстве своем – люди честные, высокопрофессиональные, любящие и сострадательные. Конечно, врачебное сообщество – это срез всего нашего общества в целом. И в нем бывают не только подвижники, но и циники, и недобросовестные люди, и шарлатаны. Но, так же, как и говоря о Церкви, недопустимо ставить на первый план несколько процентов темного и заслонять им все светлое.

Помню, как вся наша семья была в 1994 году в Архангельске, в Северном медицинском университете. Это были сложные и тяжелые времена, но медицинское образование сохранялось на высоте.

Мама общалась с выдающимся офтальмологом академиком Святославом Федоровым, посещала Институт акушерства и гинекологии имени доктора Отта и беседовала с его руководителем академиком Эдуардом Айламазяном. Это то, что мне запомнилось из ее рассказов о тех визитах, когда она посещала Родину самостоятельно. Мы вместе бывали во многих больницах, военных госпиталях и других лечебных заведениях в разных городах России. И я, конечно, продолжаю их посещать. В программе обязательно встречи с медиками и пациентами. Очень большое впечатление на меня произвели беседы с академиком Лео Бокерия, кардиологом мировой величины.

– **Вы хорошо знаете современную Россию. Нет ли у Вас ощущения исторической, я бы сказала, онтологической преемственности сегодняшней страны с ее далеким и не очень далеким прошлым?**

– Вы знаете, есть. Это особенно чувствуется при встречах, целью или содержанием которых был предмет нашего разговора – благотворительность, вообще благое дело, доброта. Из встреч с медиками на пространстве бывшей Империи, во время пребывания в других государствах, имеющих общие исторические цивилизационные корни с Россией, мне вспоминается Республиканский центр радиационной медицины в Белоруссии, где я узнала, как помогают пострадавшим от Чернобыльской катастрофы.

Было очень радостно увидеть, с какой заботой содержат и лечат ветеранов Великой Отечественной войны и жертв коммунистических политических репрессий в Тираспольском госпитале инвалидов войны. Несмотря на все трудности, много лет переживаемые Приднестровьем, там находят возможности содержать медицинские учреждения на должном уровне.

В 2013 году, во время празднования 400-летия победы над Смутой, я посетила Первый детский хоспис в Санкт-Петербурге и познакомилась с его основателем – уже упомянутым мною протоиереем Александром Ткаченко. Отец Александр живо откликнулся на идею моего сына великого князя Георгия Михайловича и согласился принять участие в его замысле создать фонд для по-

мощи онкологам. Так началась большая работа, во время которой и Георгий, и я познакомилась с замечательными российскими онкологами – и с корифеями, и с молодыми, но очень талантливыми и перспективными учеными. Это главный детский онколог России Владимир Поляков и его заместитель Максим Рыков, главные детские онкологи Петербурга Юрий Пунанов и Ленинградской области Светлана Сафонова, доктор Анатолий Малинин, директор центра имени Раисы Горбачевой Борис Афанасьев, главный врач онкологического диспансера Георгий Манихас... Круг этих знакомств постоянно расширяется. И не только с онкологами. Например, недавно великий князь побывал в Педиатрическом университете и познакомился с его ректором – главным неонатологом России профессором Дмитрием Ивановым.

Прошу прощения, что не имею возможности перечислить всех врачей, с которыми нам посчастливилось встретиться. Но ко всем ним – и к ученым с мировым именем, и к скромным труженикам – в наших сердцах любовь и уважение.

– **Как Вы со всем этим справляетесь? Это же огромная работа!**

– В моей Канцелярии есть Управление по межрегиональной и международной деятельности. Оно организует и координирует все мои визиты. Возглавляет всю эту работу князь Вадим Лопухин, по основной своей профессии врач акушер-гинеколог. Он долгие годы руководил родильным домом при Московской больнице № 70, создал там Перинатальный центр. Сейчас продолжает преподавать и заниматься врачебной практикой. О достижениях и проблемах отечественной

Великая княгиня Елизавета Феодоровна, основательница Марфо-Мариинской обители. В этом году исполнилось 100 лет ее аресту и трагической гибели в шахте под Алапаевском, куда ее сбросили большевики

медицины он знает не понаслышке. Так что в моей команде есть профессионал высокого класса.

– **Но Российский Императорский дом – это же не только визиты, знакомства и беседы. Наверняка существуют программы взаимодействия с современными российскими медицинскими учреждениями.**

– Да, существуют и программы и проводятся отдельные акции. Но самым успешным начинанием стал учрежденный моим сыном Императорский фонд исследования онкологических заболеваний. Должность его генерального директора принял на себя протоиерей Александр Ткаченко.

Фонд направляет российских специалистов на профессиональные стажировки в США и Францию, финансирует обучение будущих врачей, организует научные форумы и конференции специалистов-онкологов, занимается просвещением, издает книги, учебные пособия, помо-

Насельницы обители, следуя традиции евангельских сестер, занимались по примеру Марфы мирскими делами (благотворительность и оказание медицинской помощи), а по примеру Марии не оставляли духовной жизни, монашеского делания. 90 лет назад обитель была зарыта и вернулась в лоно Церкви лишь в 1992 году

гает состоявшимся ученым реализовать свои теоретические разработки на практике. Благодаря Фонду подготовлен обучающий курс по паллиативной помощи и некоторые другие теоретические работы. В декабре 2016 года фонд подарил Санкт-Петербургскому государственному педиатрическому университету машину скорой помощи. Фонд является попечителем Российского общества детских онкологов.

В Великобритании мой сын зарегистрировал аналогичный Императорский фонд исследования рака. Это совершенно самостоятельная организация, юридически она никак не связана с российским фондом. Но направление ее деятельности то же. Почетным президентом медицинского консультативного совета этого фонда является известный американский онколог ливанского происхождения доктор Филипп Салем, президент созданного им Центра онкологических исследований. Международное

сотрудничество в борьбе с раком очень важно. Ведь эта болезнь не знает национальных, религиозных, политических и социальных различий. Сталкиваясь с общими для всего человечества угрозами, глубже понимаешь, что в отношениях между государствами должен восторжествовать дух солидарности, а не конфронтации, как, увы, мы наблюдаем сейчас. Врачи разных стран, общаясь и сотрудничая поверх всех барьеров, наряду со своим основным делом врачевания, держат в руках ниточки, связывающие народы в человечество.

– **Позвольте поблагодарить Вас, Ваше Величество, за любезное согласие ответить на вопросы, интересующие читателей «Лампады».**

– Буду рада, если у соотечественников, которые с ней ознакомятся, родятся какие-то новые идеи по развитию нашей совместной работы с российскими врачами. Желаю всем читателям «Лампады» здоровья и помощи Божией в трудах.

Елена Валентиновна Клинокова окончила факультет журналистики МГУ, работала в «Учительской газете», в журнале «Народное образование», в издательстве «Педагогика». Член Союза журналистов РФ. У нас печатается впервые.

Скажите, пожалуйста...

 <i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i>	<i>Владимир студент</i>	<i>Анна фотограф</i>	<i>Лидия Николаевна пенсионерка</i>
			
Как разделить с человеком его чувства или состояние?	Чтобы разделить с человеком его чувства или состояние, необходимо прежде всего знать истоки, причины. Тогда можно решить, как действовать.	Когда моей подруге, к примеру, будет хорошо или плохо, я, конечно, разделю с ней ее чувства, постараюсь понять ее состояние.	Как я могу разделить его чувства? Я могу выслушать, что его беспокоит. Советов я никогда никому не даю, слушаю только.
Что вам приятнее: посочувствовать ближнему или порадоваться за него?	Всегда приятнее разделять с человеком радость. Мне приятнее радоваться за ближнего человека.	Посочувствовать нужно, когда у человека происходит что-то плохое, грустное. Радостно видеть, когда у него всё хорошо, веселое состояние.	Могу посочувствовать и порадоваться.
Если вам радостно и вы хотите, чтобы порадовались другие тоже, как вы поступите?	Постараюсь донести до окружающих свое хорошее настроение.	Поделюсь своей радостью с родными, близкими людьми.	Я могу своей радостью поделиться. Привести примеры, как мне Бог помог. Люди часто этого не понимают и говорят: «Ты вдарилась в Бога, потому у тебя получается всё...».
Если близкий вам человек в печали, вы скорее сделаете вид, что не замечаете этого, или постараетесь вывести его из этого состояния?	Да, я постараюсь вывести его из этого состояния всеми возможными способами и не предавать его нынешней тоске, унынию.	Сделаю всё, чтобы его вывести из этого состояния. Поговорю, посочувствую, постараюсь отвлечь от этого состояния.	Выведу его из этого состояния обязательно. Господь дает нам эти испытания для того, чтобы вразумить, для укрепления веры.
Что вам ближе: интерес к чужой проблеме, сочувствие, желание понять, «а как бы поступил я», стремление извлечь урок?	Ближе всего из перечисленного для меня посочувствовать человеку и извлечь для себя необходимые уроки из этой ситуации.	Сочувствие и стремление извлечь урок.	Наверное, извлечь урок.
В чем скорее познается друг: в радости или в беде?	Конечно же, в первую очередь – в беде. Радость разделять мы все любим и умеем, а посочувствовать в беде – не всегда находятся силы это сделать.	И в радости, и в беде.	Конечно, в беде. Это так понятно. Когда человеку плохо, кто к нему приходит первый? Не враги же!

<i>Анна Львовна</i> пенсионерка	<i>Григорий</i> студент	<i>Павел Леонов</i> спортсмен	<i>Татьяна</i> домохозяйка
			
Вместе с ним плакать и вместе с ним радоваться.	Первое – нужно общаться, тогда мы делим и чувства, и состояние. Если кому-то плохо, считаю, надо пообщаться, обнять его, чтобы помочь пережить это состояние.	Наверное, нужно с ним пообщаться, прежде всего – чтобы человек поделился своими чувствами, состоянием, чтобы понять его.	Нужно представить себя на месте человека, вспомнить какие-то свои похожие состояния, что ты переживала. Только так можно понять хотя бы чуть-чуть, что он может чувствовать.
Приятнее, конечно, радоваться, чтобы хорошо всё было.	Когда человек радостный, он и так в хорошем настроении. Когда человеку плохо и ты несешь ему сочувствие, то и ты сам разделяешь это. Радость сложнее разделить, чем горе.	Посочувствовать бывает тяжелее, чем порадоваться, негативные эмоции разделяются тяжелее, нежели радость. Немногие искренне будут сострадать твоему горю или неудачам.	Конечно, приятнее порадоваться за него, потому что сочувствовать, переживать с ним какую-то боль, какие-то тревоги – это ранить себя.
Развеселю их. Постараюсь, потому что клоуны получают из русских людей.	Нужно поговорить с человеком, побыть с ним рядом. Ты так или иначе передаешь ему свое состояние, энергетику. Тогда так или иначе энергия передается, и радость – соответственно тоже.	Я в этом случае приглашаю в гости друзей, знакомых, которые могут эту радость со мной разделить.	Я постараюсь сделать людям что-то приятное, даже просто сказать за что-нибудь спасибо.
Постараюсь вывести его из этого состояния.	Не останусь равнодушным и постараюсь вывести его из этого состояния.	Бывает такая глубокая печаль, ты ее разделить не сможешь. Тогда как-то лучше проигнорировать, опустить. А грустного человека надо постараться вывести из этого состояния.	Постараюсь вывести близкого человека из этого состояния, поговорить с ним, послушать, что его тревожит.
Стремление извлечь урок. Интерес нет к чужой проблеме. Свои грехи ноги заплели.	Мне ближе всего сочувствие. Превыше всего утешить его, сделать какой-то шаг к уменьшению его проблемы, чтобы ему стало лучше.	Мне, наверное, ближе стремление извлечь урок, потому что «как бы я поступил?» – это сложные мысли. Я стараюсь, чтобы эти уроки потом пошли на пользу, в том числе для душевного, духовного развития.	Мне, наверное, ближе «как бы поступила я?». Извлечь урок тоже хочется, но не всегда это получается. Часто думаешь, что поступила бы совсем по-другому, чем когда думала о другом человеке.
В радости.	Я считаю, что, скорее всего, в радости, потому что радости в нашей жизни не так много, бед очень много, и поэтому люди чаще помогают в бедах, чем делят радость.	Всекие сложные события с тобой делят. На Руси говорят: друг познается в беде. Но настоящие друзья радости точно так же делят, как и тягости. Поэтому и в том, и в том познается друг.	Мне кажется, в радости, потому что в беде послушать тебя могут, могут тебе помочь как-то, а вот в радости очень многие люди начинают завидовать.

«...Яко аз усердно к тебе прибегаю...» О книге архимандрита Макария (Веретенникова) «О почитании святых»

Каждый из нас, православных, носящий имя в честь какого-то святого, имеет некое молитвенное правило, или, лучше сказать, долженствование, взывать к этому святому. В течение дня или по крайней мере утром повторять: «Моли Бога о мне, святой угодниче Божий (имярек), яко аз усердно к тебе прибегаю, скорому помощнику и молитвеннику о душе моей».

Эта каноническая традиция связана с тем, что существует духовная связь между нами, живущими на земле, и небожителями, которые пребывают уже в ином мире, в иной реальности, но при этом знают нашу жизнь, потому что сами когда-то существовали в ней и достойно прожили собственную земную жизнь. Например, я – Наталия и просто обязана знать святых, носящих это же имя. Самая известная из них – великомученица Наталия – обычно поминается вместе со своим супругом Адрианом. Поскольку я крещена во имя этой святой, в день ее памяти я не могу не пойти в храм и, естественно, не могу не обратиться с молитвой к своей небесной покровительнице. Не сделать это – все равно что не пойти на день рождения к самому близкому мне человеку.

С помощью этого маленького молитвенного правила поддерживается постоянная духовная связь между нами и нашим святыми. И это не должно исчезать из нашей жизни. Потому что святые живы, они являются нам, помогают нам и молятся о нас Господу Богу. Святые приходят сюда, в наш падший мир, чтобы возвещать волю Божию и защищать избранных. И никакая либерализация ценностей, всемирная информатизация жизни и прочее обмирщение бытия не в силах изменить этот порядок, ибо он установлен Богом, ибо Дух дышит, где хочет.

Формы почитания святых очень разнообразны. Это и соборы, объединяющие десятки, сотни, а то и тысячи имен, и своего рода «дуэты» святых, как, например, мученики Борис и Глеб, апостолы Петр и Павел, равноапостольные братья Кирилл и Мефодий, и – чаще всего – «персональные» обращения к тому или иному святому:

равноапостольная Мария Магдалина, преподобный Серафим Саровский, блаженная Матрона Московская...

Но есть прославления, о которых хотелось бы сказать особо, они тоже закреплены и письменно, и литургически. Например, когда празднуется день просветителей славян Кирилла и Мефодия, на утрени в каноне можно услышать такие слова: «Древле рекий Божественный Дух: отдели Ми Варнаву и Савла на дело, на неже призвах их; подобне и вас, отцы преподобнии, в словенския страны послати повеле, и тако людие, во тьме и сени смертней сядяшии, светом учения вашего просветившеся, воззваша: яко Петра, ны, Управителю, спасл еси...». Это очень важно: мы возносим песнопения в честь одних святых и при этом вспоминаем их учителей. Этим молитвенным единением Церковь вновь показывает свою нераздельность вне зависимости от того, кто, когда и где жил.

Эти мысли навеяла удивительная книга насельника Свято-Троицкой Сергиевой лавры доктора церковной истории Московской духовной академии архимандрита Макария (Веретенникова) «О почитании святых». Автор не только разъясняет, чем важно для нас помянуть святых, но очень просто и понятно рассказывает о формах их поминовения в Русской Православной Церкви. Автор, например, приводит слова священника Павла Флоренского: «...собранность двух или трех во имя Христова, совхождение людей в таинственную духовную атмосферу около Христа, приобщение Его благодатной силы претворяет их в новую духовную сущность, делает из двух частицу Тела Христова, живое воплощение Церкви». И становится понятно, что такое

совместная молитва, совместный духовный подвиг, совместное участие в таинстве Причастия – участие вроде бы каждого в отдельности, но в то же время единого, неделимого организма Церкви. Из труда отца Макария узнаешь, что встречаются не только святые двоицы, но даже триады святых подвижников, в частности великие светильники XIV века: митрополит Алексей, святитель Стефан Пермский и преподобный Сергей Радонежский. Да, да, Сергей, игумен Радонежский, чудотворец, прославляется Церковью не только единолично, но и в кругу своих сподвижников.

Совместное прославление троих лиц одновременно не означает, что они обязательно подвизались в одном месте, неразлучно пребывая друг с другом. Это касается также и двоиц. При совместном почитании группы святых имеется в виду их духовная близость, сопостничество, духовная дружба, духовничество, совместные труды на пользу людям и государству.

Например, архимандрит Макарий рассказывает о такой тройке второй половины XV века, как Московский митрополит Иона, Новгородский архиепископ Иона и Пермский епископ Иона. Все три святителя немало способствовали окончательному избавлению Руси от татаро-монгольского ига. Митрополит Иона – это первый автокефальный Предстоятель Русской Церкви. Много сил положил он, стараясь всячески поддержать князя Василия Темного в его стремлении возвысить и объединить Московское царство. Отец Макарий пишет: «...перед Русским государством все настоятельной вставала проблема закрепления успеха Куликовской битвы, окончательного свержения золотоордынского ига и сплочения Руси вокруг Москвы. Поэтому отношения с таким крупным политическим, церковным и культурным центром, каким был Великий Новгород, имели первостепенное значение». Митрополит Иона самолично поставил Вели-

кому Новгороду архиепископа Иону, который понимал всю возложенную на него задачу. В результате этого «по проречению и благословлению двою святителей сих чудотворивых преосвященного Ионы, митрополита всеа Руси, и святого Ионы, архиепископа Новгородского, вся благая збывахуся Великому князю»¹.

Оба иерарха дружили, постоянно молились за князя, дабы получил он свободу от татар. А митрополит Иона мечтал видеть своим преемником архиепископа Иону. Но вскоре к ним присоединился третий сподвижник — епископ Иона, возглавивший Пермскую епархию после кончины именитого Стефана Пермского. Во время моровой болезни епископ Иона явился в Новгород и сослужил престарелому архиепископу, поставляя духовенство. Вот такая удивительная тройка, причисленная к лику святых, образовалась Промыслом Божиим. И «...по примеру Ноева голубя, возвестившего масличной ветвью скорое окончание потопа, явилась провозвестницей освобождения Руси от монголо-татарского ига и ее объединения в единое централизованное государство».

Говоря о единичном прославлении святых, двоиц или троиц, нельзя не задаться вопросом: а почему вообще в Православной Церкви так сильна традиция обращения к умершим угодникам Божиим? Почему бы верующему не говорить о своих нуждах напрямую с Богом, зачем нужен своеобразный посредник? — такое нередко доводится слышать, и как ни странно, от людей крещеных, правда, чаще всего невоцерковленных. Краткий и точный дает ответ в своем труде архимандрит Макарий (Веретенников). Он отталкивается от слов апостола Павла в послании к Евреям: «...Сам искушен быв, может и искушаемым помощи». «Подражая Христу, — пишет архимандрит Макарий, — святые угодники, пройдя жизненный путь в различных подвигах, теперь, предстоя Престолу Божию, имеют особую благодать помогать молитвенно прибегающим к ним в подобных обстоятельствах».

¹ Запись из Степенной книги, цитируется по изданию: Макарий (Веретенников), архимандрит. О почитании святых. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2017. — 144 с.

Так выглядит оборот обложки книги

Вот, например, преподобный Макарий Желтоводский-Унженский († 1444 год, память 25 июля) прошел татарский плен. «И когда на царский престол в 1613 году был избран боярин Михаил Романов, его отец, Ростовский митрополит Филарет, находился в польском плену».² Царь Михаил дал обет идти на поклонение к

² Макарий (Веретенников), архимандрит. О почитании святых.

Преподобному, только чтобы его отец был свободен.

В 1619 году митрополит Филарет вернулся в Россию. Став патриархом, он создал комиссию по канонизации своего ходатая перед Богом. С этого началось почитание преподобного Макария в Русской Церкви.

Любая сфера человеческой жизни находится под покровительством угодников Божиих. Есть среди святых покровители ремесел, учебы, враче-

Святой Илья Муромец

вательства, животноводства. В Древней Руси очень распространено было сохранять памятные места, где чудотворцы совершали свои подвиги. Земля, где жил подвижник, считалась святой, так как аскет освящал ее своими молитвами и слезами, являлся заступником сего места, его славой и духовным украшением.

Интересные примеры, когда святой покровительствовал определенному месту на земле, приводит автор в своей книге о почитании святых. Преподобный Иринарх Ростовский «принял монашеский подвиг в Борисоглебском монастыре под Ростовом Великим, но потом, из-за притеснений игумена, оставил обитель. Однако спустя некоторое время ему явились покровители обители святые страстотерпцы Борис и Глеб и призвали его вернуться в монастырь», что он и сделал.

Другой любопытный случай. «В 1897 году во время переписи насе-

ления Российской империи Николай II написал в анкете о своем роде занятий: «Хозяин земли Русской». Ныне он, принявший страстотерпческую кончину, предстоит Престолу Царя Небесного и имеет особую благодать покровительствовать нашей стране.

В наше время традиция почитания места подвижничества святого хоть и несколько поблекла, но, к счастью, не забыта. Взять хотя бы именитые обители: Оптину пустынь, Дивеевский монастырь, Свято-Троицкую Сергиеву лавру – все это места массового паломничества людей.

Есть и такая форма почитания святого (сейчас она практически не употребляется), как прославление дня его памяти, когда происходило какое-то важное событие. Например, святитель Алексей, митрополит Московский и всея Руси, плыл из Константинополя домой. На Черном море начался сильный шторм, морякам и пассажирам

грозила гибель, и тогда Святитель дал обет Богу, что он построит монастырь в честь того святого, чья память будет праздноваться в день, когда они живыми сойдут на берег. Митрополит сдержал свое слово, так в Москве возник Спасо-Андроников монастырь.

В 1775 году императрица Елизавета подписала указ об открытии Московского университета. Это случилось 25 января – в день памяти святой великомученицы Татианы. Вот поэтому подвижница считается защитницей университета и покровительницей студенчества.

«В Древней Руси, – свидетельствует архимандрит Макарий, – появляется удивительное явление – построение обыденных храмов. В дни народных бедствий люди вставали порану и начинали строить храм». При этом все постились, молились, исповедовались, причащались при первой же возможности в новопостроенном храме. И вот оно чудо Господне – беды и болезни уходили. Как этого нам не хватает, особенно сейчас!.. К сожалению, мы склонны винить в своих бедах правительство, экономику, всяческие кажущиеся несправедливости в отношении к нам. А вот если бы хоть раз попробовать устроить не митинг, а внеплановый пост. Какая бы величайшая благодать сошла на нас и нашу Родину от Господа.

К сожалению, современная жизнь напоминает скорее баню из предания о сорока мучениках Севастийских. Это происходило в 320 году после Рождества Христова в дни правления императора Ликиния. Он организовал жестокие гонения на христиан, среди которых оказались и сорок каппадокийских воинов. Они отказались принести жертву языческим богам. Причем посланец от императора предложил им любые блага в обмен на жертвоприношение, но они выбрали мученический крест. Тогда воевода связал их и поставил в лютый мороз голыми в промерзшее озеро Севастии. Перед этой страшной ночью Господь укрепил их, явившись со словами: «Веруяй в Мя, еще и умрет, жив будет». Стража охраняла воинов, а рядом с озером срубили жаркую баню. Один из страждущих не выдержал, побежал в баню и умер. Остальные стояли и молились. Вскоре выглянуло

солнце, которое согрело мучеников. А начальник стражи, увидев, как на воинов сходят венцы, присоединился к ним. Утром тридцати девяти воинам и начальнику охраны перебили колени, потом их сожгли и бросили в озеро. Спустя три дня они во сне явились Севастийскому епископу, который нашел их останки и сложил в ковчег.

Архимандрит Макарий пишет: «Олицетворением страданий святых Севастийских мучеников являются слова 65 псалма: “Проидохом сквозе огонь и воду, и извел мя в покой...”. На маргинальной миниатюре к этому тексту в Киевской Псалтири изображено их страдание. Изображения святых мучеников, пострадавших в Севастии, были распространены в православной иконографии. Самый ранний фресковый цикл, посвященный им, имеется в жертвеннике Софийского собора в Охриде на Балканах». Изображения мучеников есть в Софийском соборе Киева, в Успенском и Благовещенском соборах Московского Кремля. Множество храмов по всей России построено во имя этих воинов Христовых. Во время большевистских гонений и в период Великой Отечественной войны, попадая в лагерь, православные вспоминали подвиг сорока мучеников, обращались к ним в молитве и получали послабление страданий. Так, зимой 1943 года митрополит Алма-Атинский Иосиф попал в плен к немцам. Они держали его в ледяном помещении, а владыка вспоминал икону сорока мучеников и усиленно взывал к ним. И помощь чудесным образом пришла, он не замерз и умер только в 1975 году. Сохранившееся предание о сорока Севастийских мучениках – это великолепнейший образец исполнения заповедей Христовых. Это пример того, как страдания в земной жизни приводят человека к блаженству в ином мире. И напротив, отказ от несения своего креста, нетвердость в вере – путь к вечным страданиям.

Для нашего времени это крайне важно. Как пишет автор книги о почитании святых: «Военные слухи, политическая или экономическая нестабильность формируют депрессивную психологию у современных людей. Героем нашего времени в современной культуре (книги, фильмы, компьютерные

Первые святые мученики-страстотерпцы благоверные князья Борис и Глеб

игры...) является не человек со своими проблемами, а вампиры, неземные существа, монстры, кибер-чудовища и прочие. Созданная постхристианским миром цивилизация “пожирает” ныне человечество. Все это наглядно иллюстрирует пример сорока Севастийских мучеников: жарко растопленная баня для малодушного севастийского воина не явилась избавлением от страданий, а послужила его вечной гибели. Таким же образом и блага, лишённые духовных ценностей и создаваемые на неумеренной эксплуатации окружающей среды, принося пользу человеку, являются в конечном итоге угрозой нашему здоровью и всей нашей жизни».

В православии существует целое учение о смысле страданий. Еще Спаситель говорил: «В мире скорбни будете...» (Ин. 16:33). Это сказано потому, что всяческие испытания заставляют человека задумываться о Боге. Ведь в суете повседневной жизни мы

чаще всего бежим в храм тогда, когда случаются какие-то неприятности. Страдания приводят человека к Богу. Но иногда они попускаются людям глубоко верующим и благочестивым для того, чтобы показать нам пример подлинной стойкости и верности Богу. И таким глубочайшим примером служит праведный Иов, широко почитаемый Православной Церковью. Он имел всё, и Господь в одно мгновение лишил его всего: богатства, семьи, здоровья. Но Иов не отрекся от Бога, за что потом был во сто крат награжден Всевышним. Архимандрит Макарий пишет: «В службе святому праведнику верующий обращается к Господу: “Дал еси нам образ терпения и мужества, Преблагий Господи, угодника Твоего Иова, во всех приключившихся ему злостраданиях ничимже согрешивша пред Тобою, ниже устнама своими, и не давша безумия Тебе, Богу нашему”».

Вселенские учителя и святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст

В Русской Церкви поминается очень много святых угодников, уподобляющихся праведному Иову. Это и преподобный Даниил Столпник, и святитель Иоанн Златоуст, и преподобный Иоанн Кушник, Казанский архиепископ Гурий, преподобный Пимен Многоболезненный, благоверный князь Всеволод-Гавриил Пермский, блаженный Проконий Устюжский, преподобный Иов Почаевский...

Даже в русском фольклоре прячется мысль о страданиях. Например, в таких пословицах: не узнав горя, не узнаешь радости; Бог терпел, да и нам велел; человек предполагает, а Бог располагает; все мы под Богом ходим. Это говорит о том, что страданий не

стоит пугаться и уж тем более впадать в отчаяние и уныние, лучше принять все смиренно, вспомнив, что любое испытание – это протянутая рука Бога, а святые подвижники нам в пример и помощь.

Заканчивая разговор о поминовении угодников Божиих, нельзя не остановиться на такой форме почитания святых, как их иконы. И я опять возвращаюсь к книге архимандрита Макария (Веретенникова). Казалось бы, это очень небольшая по объему книжица, но сколько в ней мудрости, удивительных фактов, прославленных имен и душеспасительных примеров! В частности, автор поднимает любопытнейшую тему о написании

первообразов в русской иконографии. Понятно, что большинство икон – это список с более древнего образца. А вот как писался первоисточник, когда не было фотографий? Архимандрит Макарий считает, что за основу первообраза чаще всего брались изображения на надгробиях или покровах, которыми покрывались раки умерших святых. Он приводит свидетельство историка Голубинского: «...иногда вместо покровов полагаемы были на надгробницах сделанные во весь рост изображения подвижников, подобно тому, как на верхних досках рак... канонизованных святых пишутся их изображения. В том и другом случае нередко поставляли перед надгробниками или вообще в церквах и палатках, в которых они находились, поясные изображения подвижников или их иконы в смысле портретов». Вот такие портреты и лежали чаще всего в основе написания иконы святого. Например, описи Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля позволяют прийти к выводу, что значительная часть икон этих храмов сделана именно таким образом.

Среди иных источников для написания первообраза архимандрит Макарий называет жития святых, свидетельства современников подвижника, тайное создание портрета еще при жизни преподобного, явления угодников Божиих. Вот что пишет об этом один из современных иконоведов Л.А. Успенский: «Древние иконописцы... знали лики святых так же хорошо, как лица своих близких. Они писали их либо по памяти, либо пользуясь зарисовками или портретами. Когда то или иное лицо было известно святостью своей жизни, портреты его делались тотчас по его смерти, задолго до официальной его канонизации или открытия его мощей, и распространялись в народе»³.

В этом отношении очень интересна история создания иконы преподобного Кирилла Белозерского (скончался в 1427 году), хранящаяся в Третьяковской галерее. Она принадлежит кисти еще одного преподобного – Дионисия Глушицкого. Икона носит портретный характер, а на ее оборотной

³ Цитируется по книге: Макарий (Веретенников), архимандрит. О почитании святых.

Собор русских святых, в земле Российской просиявших

стороне есть надпись о ее создании: «...еще живу сущу чудотворцу Кириллу, в лето 6932 (1424 – Н.П.)». Это говорит о том, что образ был создан за три года до смерти подвижника.

Но самое удивительное в создании икон связано именно с явлением угодников различным людям. Невозможно в одной статье пересказать все подобные случаи, которые приводит архимандрит Макарий, но один все же затрону. В 1655 году священник храма Богоявленского монастыря читал канон Андрею Критскому, после чего задремал. Во сне ему было явление, как он припадает к гробнице преподобного Кирилла Челмогорского, стоящей в храме. При этом священник очень хотел увидеть образ Преподобного, чтобы потом написать икону. Отойдя от гробницы, он повернулся и увидел самого Преподобного. «Святой обратился к иерею-иконописцу: “Гляди на

меня без сомнения, если желаешь образ мой написать”». Когда священник проснулся, он испугался и обрадовался одновременно. Испугался потому, что по смирению считал себя недостойным такого видения. А обрадовался потому, что Господь позволил ему получить просимое. По благословению монастырской братии иерей написал икону преподобного Кирилла Челмогорского, ее поставили в монастыре, и от образа стали совершаться чудеса.

Нужно сказать, что при создании икон Церковь всегда вспоминает подвиг первого иконописца – евангелиста Луки. Это актуально и сейчас – в связи с возрождением иконописи и канонизацией новых святых. Как справедливо заметил архимандрит Макарий, «написание первых образов святых – это целая страница в истории русской иконографии».

Наталья Прохорова

ОКРЕПЫ

Святость, утраченная нами через грех Адамов, была природным свойством души нашей. Эту святость, снова дарованную нам во Святом Крещении и Миропомазании, мы опять утратили и постоянно утрачиваем через несчастную греховную склонность, сделавшуюся природной для нас после грехопадения прародителей.

*Св. прав.
Иоанн Кронштадтский*

Святой источник пророка Божия Илии¹

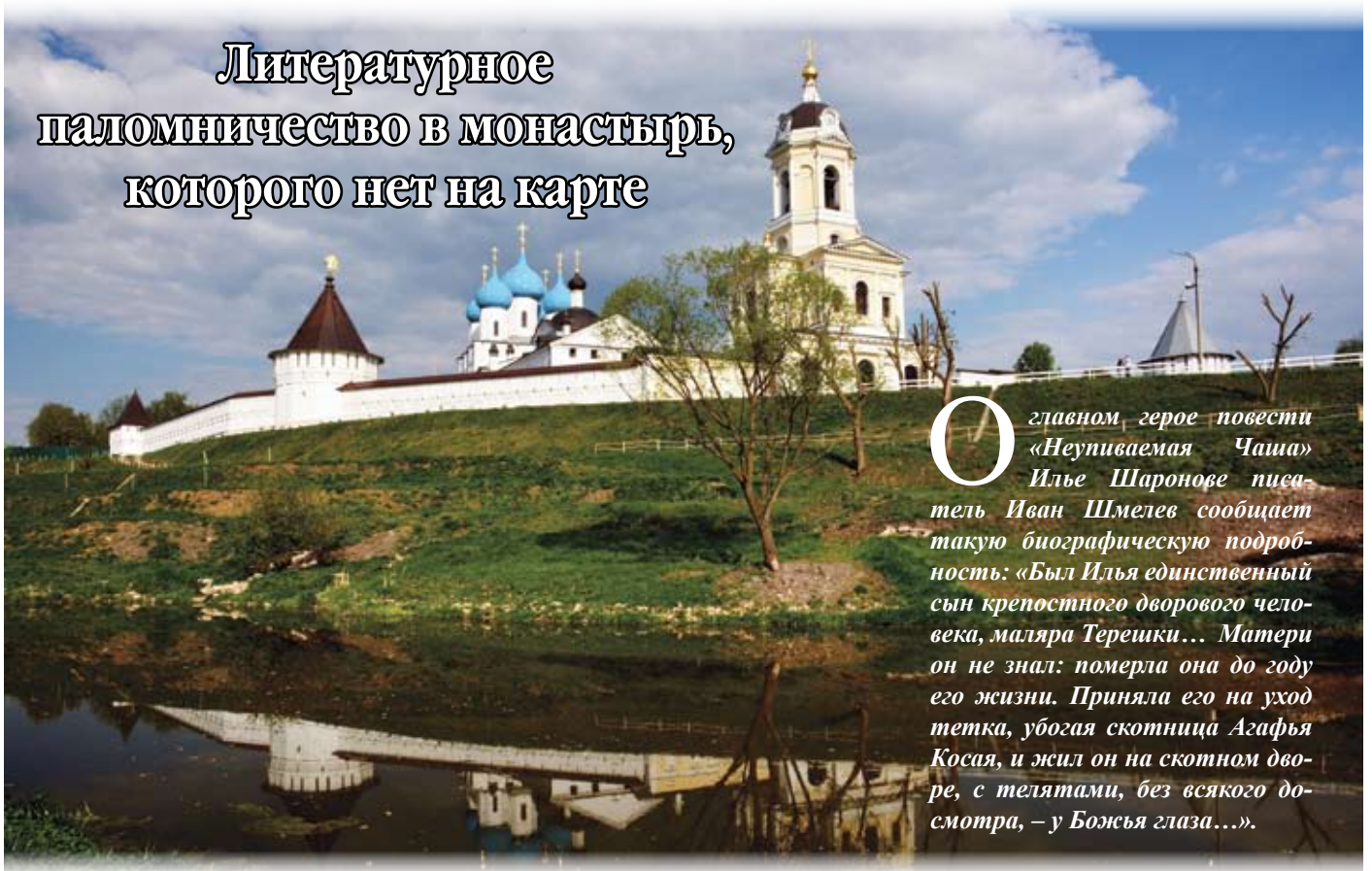

Святой источник пророка Божия Илии с купелью находится в пяти километрах от села Нармушадь и в двух – от села Ерахтур, на трассе Шилово – Касимов. Сам источник бьет из нескольких мест, из-под белого песка, в середине небольшого пруда, обложенного белым камнем. В часовне, стоящей на возвышенности, всегда можно поставить свечи и заказать требы. От часовни ступени ведут к зданию, где устроена купель со святой родниковой водой. Особо святое место почитают не только местные жители. Сюда приезжают со всей округи и из соседних районов, здесь всегда можно увидеть очередь в купель, людей, набирающих воду из источника.

*Свидетельствовал
Сергей Савцов*

¹ Видео о источнике: <https://www.youtube.com/watch?v=RvF2conrYJY>

Литературное паломничество в монастырь, которого нет на карте

Серпуховской Высоцкий мужской монастырь

О главном герое повести «Неупиваемая Чаша» Илья Шаронов писатель Иван Шмелев сообщает такую биографическую подробность: «Был Илья единственный сын крепостного дворового человека, маляра Терешки... Матери он не знал: померла она до году его жизни. Приняла его на уход тетка, убогая скотница Агафья Косая, и жил он на скотном дворе, с телятами, без всякого дозора, — у Божьих глаза...».

Когда читаешь эти слова, в памяти невольно всплывают евангельские строки: «Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» (Лк. 2:6–7). Как известно, ясли — кормушка для домашних животных — находились в пещере, в которой родился Иисус Христос. Эта вольная или невольная параллель с земной жизнью Спасителя, допущенная Шмелевым, наводит на мысль о том, что повесть «Неупиваемая Чаша» представляет собой драматический рассказ о крестном пути главного героя. Когда переворачиваешь последнюю страницу, не остается сомнений в том, что жизнь Ильи Шаронова и есть самый настоящий крестный путь.

Через старинный подмосковный город Серпухов протекает река Нара. На ее противоположных берегах на приличном удалении друг от друга находятся два знаменитых местных монастыря — Введенский Владычный женский и Высоцкий мужской. Глядя на карту Серпухова, сложно представить, чтобы обе эти обители оказались совмещенными

в одной точке. Но то, что невозможно в обычной земной географии, становится реальным в пространстве творческом, литературном. В своей повести «Неупиваемая Чаша» Иван Шмелев оба монастыря превратил в один, соединив в его наименовании ключевые слова из названий реально существующих обителей. В итоге был создан Высоко-Владычный женский монастырь.

Лежит за рекой Нырлей, обок с Вышата-Темным, Высоко-Владычный монастырь, белый, приземистый, — давняя обитель, стенами и крестом ограждавшая край от злых кочевников: теперь это женская обитель... Таким предстает плод писательской фантазии на первых страницах повести. Пояснение, что «теперь это женская обитель», у Шмелева появляется неслучайно: до 1806 года реальный Владычный монастырь был мужским.

Жизнь главного героя повести тесно связана с Высоко-Владычным монастырем. Здесь он получил первые уроки духовной живописи, участвуя в росписи его главного собора. Облюбовал Илью главный в артели, старик Арефий, за пригожесть и тихий нрав, пригляделся,

как работает Илья мелкой кистью и чертит углем, и подивился...

Здесь же, в монастыре, у Ильи было удивительное, таинственное видение: *Еще когда цвели яблони, в первые дни работы, вышел Илья из караулки на восходе солнца. Весь белый был сад, в слабом свете просыпающегося солнца, и хорошо пели птицы. Так хорошо было, что переполнилось сердце, и заплакал Илья от радости. Стал на колени в траве и помолился по-утреннему, как знал: учила его скотница Агафья. А когда кончил молитву, услышал тихий голос: «Илья!».* И увидел белое видение, как мыльная пена или крутящаяся вода на мельнице. Один миг было ему это видение, но узрел он будто глядевшие на него глаза...

Коротко сюжет повести «Неупиваемая Чаша» выглядит так. Помещик отправляет своего одаренного молодого крепостного Илью на родину искусств, в Италию, учиться живописи. Взлет души и взмах ее вольных крыльев познал Илья и неистощимую сладость жизни. Изливалась она, играла: и в свете нового солнца, и в сладостных звуках церковного органа, и в белых лилиях, и

в неслыханном перезвоне колоколов. Переливалась в его глаза со стен соборов, с белых гробниц, с бесценных полотен сокровищниц. Новые имена узнал и полюбил Илья: Леонардо и Микеланджело; Тициана и Рубенса; Рафаэля и Тинторетто... Камни старые узнал и полюбил Илья, и приросли они к его молодому сердцу. Год учился он в городе Дрездене... Определил его тогда барин в живописную мастерскую в городе Риме, к ватиканскому мастеру Терминелли. Работал у него Илья три года...

Учеба за границей превратила Илью в зрелого мастера, настоящего художника. Преодолев искушение остаться на «цивилизованном» Западе, он возвращается в «дикую» Россию и приступает к росписи новой церкви, построенной в имении его барина-благотельца. Чувства долга и благодарности оказались сильнее соблазнов свободной жизни в красивой и благополучной стране, считавшейся земным раем для живописцев, ваятелей и зодчих.

Илья блестяще справляется с работой по росписи храма в усадьбе своего помещика. В церковь пошел Илья, разобрав подмостки, встал на самую середину и любовно оглядел стены. Сказала ему душа: «Радуйся, Иерусалиме!». И сказала еще: «Плывать бы тебе, Илья, по большому морю!». <...> В цветах и винограде глядели со стен кроткие: Алексей – человек Божий и убогий Лазарь. Сторожили оружием – Михаил Архангел с мечом, Георгий с копьем и со щитом благоверный Александр Невский. Водружали Крест Веры и письмена давали слепым Кирилл и Мефодий. Вдохновенно читали Писание Иван Златоуст, Григорий Богослов и Василий Великий. Глядели и звали лаской Сергей и Савва. А грозный Илья-мужицкий, на высоте, молниями гремел в тучах. Шли под широким куполом к лучезарному Престолу Господа святые мученики, мужи и жены, – многое множество, – ступали по белым лилиям, под золотым виноградом...

Серпуховской Введенский Владычней женский монастырь. Построен в царствование Бориса Годунова (1598–1605)

В это же время в жизнь Ильи вторгается большая любовь к Женщине. Увидел всю нежную красоту ее – радостные глаза-звезды, несбыточные, которых ни у кого нет, кроткие черты девственного лица, напомнившие ему его святую Цецилию, совсем розовый рот, детски полуоткрытый, и милое платье, падающее прямыми складками...

Сложность и драматизм ситуации заключались в том, что юная красавица Анастасия Павловна из рода господ Вышатовых была законной женой барина Ильи – гвардии поручика Сергея Дмитриевича Ляпунова. Ее Илья изобразил в образе великомученицы Анастасии Рымляныни, именуемой Прекрасной, в сонме святых, лики которых украшали собой стены расписанной им церкви. Высокое чувство и плотская земная страсть к чужой жене борются в сердце молодого иконописца, с одной стороны подталкивая и разрушая его физическое здоровье, а с другой – очищая его душу.

Неделю горела душа Ильи, когда писал он образ великомученицы Анаста-

сии. Не уставно писал, а дал ей белую лилию в ручку, как у святой Цецилии в Миланском соборе. Смотрела Анастасия как живая. Дал ей Илья глаза далекого моря и снежный блеск белому покрову – девство. Радостно Илье стало: все дни смотрела она на него кротко...

За великолепно выполненную работу барин обещает дать Илье вольную. В качестве последней услуги он просит своего бывшего крепостного выполнить пожелание своей супруги – написать ее портрет. С того часу начались для Ильи сладостные мучения, светло опаляющие душу... Не жил эти дни Илья, не прикасался к пище, и только кусок хлеба и кружка воды поддерживали его силы... В результате не портрет написал Илья, а икону. Был это лик нездешний. Не холст взял Илья, а, озаренный опаляющей душу силой, взял заготовленную для церковной работы доску. Иной смотрела она, радость неистигаемая, претворенная его мукой. Защитой светлой явилась она ему, оплотом от покорявшей

его плотской силы. Девственно чистой рождалась она в ночах – святая. Так в борьбе со своими греховными страстями Илья не только вышел победителем, но и создал чудесный образ.

Приказал Илья снять покрывало, и увидели все Святую с золотой чашей. Лик Богородицы был у нее – дивно прекрасный! – снежно-белый убрус, осыпанный играющими жемчугами и бирюзой, и «поражающие» – показалось дьячку – глаза. Подвигился Каплюга, почему без Младенца писана, не уставно, но смотрел и не мог отвести взора. И совсем убогий, полунемой, кривоногий скотник Степашка смотрел и сказал – радостная.

Вскоре Илья Шаронов умирает, а созданную им икону «Неупиваемая Чаша» в качестве посмертного дара принимает Высоко-Владычняя обитель. Шмелев делает особый акцент на том, что свою последнюю работу Илья Шаронов выполнял в соответствии со строгими правилами иконописания, когда мастер соблюдает строгий пост,

совершает духовный подвиг во время создания образа. В конкретном случае Ильи Шаронова победа над собой и над своим грехом во время написания иконы была истинной и полной. Поэтому от такой иконы непременно должно было произойти чудо. Весьма важна поправка, которую делает в своем произведении Шмелев: образ Христа дописывает на иконе инок, который придает канонический вид талантливой работе Ильи. Шмелев подчеркнул роль Церкви в жизни художника и тем снял все противоречия, наметившиеся в повести.

В подлинной истории Введенского Владычного женского монастыря был такой эпизод, относящийся к 1878 году. Отставной солдат, крестьянин Ефремовского уезда Тульской губернии, пропил пенсию и все имущество. Вместе с материальными благами бедолагу покинуло и здоровье — у него отнялись ноги. Однажды ему приснился сон, в котором некий старец повелел ему пойти в Серпухов во Владычный монастырь, найти икону Божией Матери «Неупиваемая Чаша» и отслужить перед ней молебен. Старец уверял несчастного, что после этого тот непременно исцелится.

Крестьянин отправился в путь. Сначала он полз на четвереньках. Затем два дня квартировал у одной старушки, которая растирала ему ноги натуральными, как сегодня мы сказали бы, средствами. После этих процедур он продолжил путь уже на своих ногах, хоть и с двумя палками. Шел в валенках в июле. Достигнув Владычного монастыря, страдалец рассказал монахиням о своем видении. Но об иконе с таким названием в монастыре не знали. Однако монахини быстро сообразили, что этой иконой может быть образ, на котором с Богородицей был изображен младенец Христос в чаше. Немедленно отыскав икону, перевернули ее и обнаружили надпись: «Неупиваемая Чаша». После молебна перед иконой крестьянин полностью выздоровел. Кстати, когда во Владычном монастыре исцеленный крестьянин увидел икону преподобного Варлаама Серпуховского, бывшего келейником у митрополита Московского Алексия, основавшего эту обитель в 1360 году, он узнал в нем того самого старца, который являлся ему во сне.

В повести «Неупиваемая Чаша» Иван Шмелев дает свой авторский пересказ этой реальной истории, включив в произведение повествование о чуде ис-

*Музей Ивана Сергеевича Шмелева в Профессорском уголке Алушты.
И список той самой иконы*

целения Мартына Кораблева. *По малу времени от сего шел на свои места отставной служивый, бомбардир, человек убогий, по имени Мартын Кораблев, тащился на костылях после Севастопольской кампании: пухли и отнимались у него ноги. Пристал в монастырь на отдых... Пришел убогий Мартын в трапезную палату и увидел ту икону, радостную Неупиваемую Чашу... Не мог отвести умиленного взора убогий Мартын от радостного лика Пречистой Неупиваемой Чаши и, хоть и в великое труженье ему было, положил перед ней три земных поклона...*

Мартын слезно умоляет настоятельницу обители отслужить перед Неупиваемой Чашей молебен с водосвятием. Просьба его была исполнена, и убогий ветеран Крымской войны получил исцеление. *Возликовала Высоко-Владычная обитель, и пошла молва по всей округе, и стали неистомимо притекать к Неупиваемой Чаше, многое множество: в болезнях и скорбях, в унынии и печали, в обидах ищущие утешения. И многие обрели его.*

И сегодня спешат со всей Руси в подмосковный Серпухов богомольцы в надежде получить исцеление и утешение от «Неупиваемой Чаши». Чудотворный образ находился в серпуховском Владычном женском монастыре до 1919 года, а после закрытия обители был перенесен в собор Николы Белого, в Серпухове же, на Калужской улице.

Дальнейшая судьба иконы неизвестна. По преданиям старожилов

города Серпухова известно, что многие иконы из собора Николы Белого были сожжены воинствующими атеистами на берегу реки Нары. Нынешние сестры обители надеются, что Мать Божия уберегла Свою чудотворную икону и она будет когда-нибудь найдена.

В 1993 году в Высоцком мужском монастыре, через два года после его открытия, был написан список чудотворной иконы «Неупиваемая Чаша», что послужило началом возрождения почитания этой иконы после долгих лет богоборчества.

В 1995 году, в первый год возрождения Владычного монастыря, игуменья Алексия получила благословение митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия на возрождение почитания иконы «Неупиваемая Чаша» как явленной во Владычном монастыре. В этом же году со старой фотографии был написан точный список иконы. При письме сохранены все пропорции иконы и академический стиль, характерный для подлинника.

Остается добавить, что повесть «Неупиваемая Чаша» Иван Шмелев написал в Крыму, в Алуште, в 1918 году, в разгар трагических событий, охвативших тогда всю страну. Сегодня гости Алушты могут увидеть этот образ в музее писателя, в местечке с уютным названием Профессорский уголок.

*К сему: ваш Архивариус
(Вадим Рутковский)*

Платочки Белые

Люди старшего поколения наверняка помнят, как один из некоронованных вождей нашего государства, рисуя картины скорого светлого будущего, обещал через 20 лет показать по телевизору последнего попа. Последнего потому, что, по мысли этого оратора, вместе с последним попом закроется последний храм и исчезнет из светлого будущего сама Церковь.

Прошло с той поры уже, наверное, три раза по двадцать. А из громкого обещания того вождя исполнилось только одно: попов по телевизору показывают. Но вряд ли кто-то из них станет последним. Потому что и вождь тот, и все, кому до сих пор мозолят глаза попы, забыли или не знают пророчества куда более древнего: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». А Церковь — это не только попы, но и те, кого народная мудрость давно назвала Белыми Платочками, — несущие бессменную вахту в храмах старушки и старички с такими же белыми, как скромные платочки их сверстниц, головами. И чем больше их уходит в бессмертие, тем больше становится небес-

ная рать, тем больше молитвенников у Божьего Престола. Они уходят, а на их место заступают те, за кого ушедшие молятся в вечности. Нет, не будет на земле последнего попа, последнего храма — до тех пор не будет, пока существует сама земля: до Второго Пришествия Христова.

И все-таки каждый раз, когда я, сама уже отстоявшая в храме две трети своей жизни, узнаю о смерти кого-то из старых и верных прихожан нашего храма, душа вздрагивает от неожиданности и скорби. Даже если смерть эта была ожидаемой, даже если принесла она давно болевшему человеку освобождение от земных страданий.

Вот и Нина «Шарикова» ушла. Не фамилия это — подворье. В деревне ведь столько однофамильцев (а порой и полных тезок), что практически у каждого подворья есть свое второе имя — прозвание, как у нас тут говорится. И частенько фамилии помнят лишь почтальоны да школьные учителя. Думаю, не обидятся на меня Нина, Царство ей Небесное, и ее родственники: не знаю я фамилию. Зато знаю и помню, как ходила она в храм, как дружила с моей, тоже уже покойной, свекровью, как частенько передавала через нее нашим деткам что-нибудь вкусненькое...

Нина — из тех прихожан, которые для меня были всегдашними, вечными. Потому что, когда я, молоденькая (всего-то 22 года!) матушка, впервые переступила порог первого — и, как оказалось, единственного — *своего* храма, она уже была в нем. В белом платочке. Среди десятков таких же колхозниц-тружениц, которые, отдоив ранком колхозных и своих коров, задав корм

домашней скотине и сварив старым да малым домочадцам неизменный и нехитрый борщ, не падали в изнеможении на диван у телевизора (да их почти и не было в селе), а, переменяв рабочий фартук на яркий, праздничный, повязавшись по старинке, по самые брови, свежим платочком, поспешали в храм. Скорым шагом, чуть ли не бегом. Хоть и начиналась служба по городским меркам поздно – в 9 утра, а все равно, пока неспешно читались часы, было в храме пусто: лишь немногие старушки, которым уже, в силу преклонного возраста, не находилось работы дома, а больные ноги все-таки еще доносили их до храма. С остановками, с пересидками на лавочках у чужих дворов. Но таких бабулечек было немного. Большинство из них оставались дома и, сидя на низенькой скамеечке посреди двора, пасли гусят да малых внучат, пока их невестки и дочери спешили в храм. Прибегали, когда литургия уже началась. А уходить чаще всего приходилось не достояв до конца. Службы в селе не только начинаются поздно, но и длятся долго: священник один, без диакона, а часто и без алтарников – он и служащий, и требный, и исповедающий. Чтецы-певцы все тоже глубокие пенсионеры – читают и поют неспешно, с паузами, сидят по очереди на клиросной лавке, отдыхают. Ближе к концу литургии – шепоток по храму: спрашивают друг у друга время, ищут, у кого часы на руке. И по одному, по двое – к выходу. Дальние уходят первыми, ближние (те, кто живет поближе к храму) иногда успевают достоять до «Отче наш». Бытует в селе устойчивое мнение: после «Отчи» можно уходить из храма со спокойной душой, а если раньше – считай, что на службе не был, «не зачтется» твое стояние в храме в этот день у Бога. Мы, грамотные, начитанные, понимаем: и то и другое неверно. Не до «Отче наш» – до окончания литургии, а лучше – до последнего поклона нам из алтаря священника, до окончательного закрытия царских врат нужно достоять, домолиться. Но ведь Бог – не надзиратель, следящий за буквой закона. И всем этим Нинам, Мариям, Верам, Пелагеям – всем Белым Платочкам, сельским труженицам зачет Он сторицею их безропотное

служение Ему. Пусть и опаздывали, и уходили со скорбью сердечной, не пропев со всеми «Отче наш». Потому что где-то далеко в поле ждала обеденной дойки своя кормилица коровка, к ней нужно бежать с пустым подойником и краюшкой домашнего, ночью испеченного, хлеба, а потом опять бежать, но уже с ведром молока – домой, а из дома – на колхозную ферму. И только перемыв и подоив там свою группу коров, сдав молоко машине, которая повезет его на молокозавод, перемыв подойники и бидоны, можно вернуться домой, поесть наконец-то сваренного «до свету» (до рассвета) борща и... нет, не отдохнуть – успеть до вечерней дойки пополоть, хоть сколько-нибудь, огород. И снова бежать, бежать, бежать...

Конечно, не все так вот бежали. Были и те, кто в храм ходил лишь по великим праздникам (а то и вовсе не ходил), и те, что работали полегче – на свиарнике, например. Там, правда, и дух тяжелый (как ни отмывайся – и незнакомый узнает: свиарка), и бадьи с кормом неподъемные, но все ж не бежать трижды в день на дойку и к своим, и к колхозным... Не все... Но храм всегда был полон. А уж по «годовым» – двенадцатым – праздникам да по родительским дням – не то что яблоку негде упасть – просто не помещались внутри, стояли на улице, ловили доносившееся из открытых дверей пение.

Вот уж где теория относительно воплотилась на практике: время. Не было в деревне машин, не было бытовой техники, все бегом да руками – и хватало времени на все, и на храм оставалось. Сейчас и техники полно, и машину не водит разве что ленивый – а времени ни на что не хватает. Не потому ли, что первым, на что не хватает времени даже у считающих себя православными, все чаще становится храм? Мой супруг-протоиерей часто вспоминает, как давно ушедший к Богу духовник епархии, старец схиархимандрит Григорий (Давыдов), к которому в недалеком от нас село съезжались духовные чада со всего Советского Союза, произнес, обращаясь к своей многочисленной пастве на проповеди, очень жесткие слова: «Вы

все, стоящие тут, не стоите одной старинной русской женщины, которая и лен выращивала, и нитки из него делала, и ткала, и пряла, и шила, и вязала, и детей каждый год рожала, и молилась...». Было это сказано в те самые, описываемые мною сейчас, времена. И для многих, наверное, прозвучало обидно. А может быть, и нет, ведь Белые Платочки умеют не только молиться, а и смиряться, и каяться.

Однажды я обратила внимание на пожилую уже женщину, которая очень редко приходила в храм. Приходила, но не проходила вглубь, а всегда оставалась у самых дверей, а то и вовсе в притворе. Когда я, по деревенскому обычаю здороваться с каждым, приветствовала ее и приглашала в храм, она прятала слезы в кончики белого платочка и шептала: «Грехи не пускают, матушка, грехи...» – и пыталась целовать мне, годящейся по возрасту ей если не во внуки, то в младшие дочери точно, руки.

Конечно, очень скоро нашлись «доброжелатели», которые рассказали мне про эти грехи. Но кто же из нас без греха? И где те земные весы, которые определяют тяжесть содеянного и измеряют глубину покаяния? А мне не забыть, каким счастьем светились глаза Катерины, когда батюшка разрешил ей, бывшему штукатуру-маляру и давно уже пенсионерке, принять участие в ежегодных весенних косметических работах по облагораживанию внешнего вида храма. Сошел снег – и, как всегда, внизу, возле фундамента, отвалилась штукатурка, потрескались старинные колонны, посыпалось крыльцо... Несколько дней лепила Катерина на стены цементный раствор, ровняла углы, заглаживала щели. Но короткий еще весенний день, нежарко греет солнышко, медленно подсыхает свежая штукатурка. Уже начали звонить к Благовещенской вечерне, а она только половину успела покрыть голубой краской. Я стояла у храма и радовалась, глядя, как под ловкими морщинистыми руками преобразается храм. Совсем чуточку осталось. И тут подошли несколько женщин из новых наших прихожанок – те, кому в советское время путь в храм был заказан: должности и партбилеты

не пускали. Нарядные, с радостными лицами. Степенно трижды перекрестились у входа, поднимаются по ступенькам, и вдруг одна, сторонясь – не запачкаться бы – Катерины, бросает ей с начальственной укоризной: «Что это ты тут? Не знаешь разве, какой праздник: птица гнезда не вьет, девица косы не плетет. Раньше надо было управиться». Как ни уговаривала я, Катерина в тот вечер в храм не зашла: «Не успела я отмыться, грешница». Так и простояла службу на сверкающем новой краской крыльце.

Не помню я имени той «праведницы», что захлопнула перед Катериной двери благовещенской радости. И лица не помню. Много тогда, на волне перестройки, прихлынуло к нам новичков. Да и отхлынуло вскоре. Немногие только остались. И Катерина – осталась. В белом платочке. Вместе с мужем – белым старичком. Только хворает все чаще, почти не выходит из дому. А муж, Виктор, крепится, приходит к каждой службе – с самого края села, три километра сюда, три обратно. Иногда приносит Катерины записочки: «Батюшка, матушка, с праздником!.. Плачу, хочется в храм очень. Но болею. Помолитесь за нас».

Минувшей зимой, в крещенские дни, мы с батюшкой, по традиции, обходили дома прихожан: поздравляли с праздником, пели Крещенский тропарь, кропили святой водой. В первую очередь обошли тех, которые уже не выходят из дому. Нина, с рассказа о которой начала я эти заметки, была уже, по местному выражению, «совсем плохая» – уже почти нездешняя. Тихо лежала, тихо смотрела куда-то сквозь нас, и не понять было, узнает ли склонившегося к ней священника. Лет двадцать назад с ней, на вид такой здоровой, случился «удар» – инсульт. И все эти годы просидела она в инвалидной коляске. Сердце оказалось здоровым, да и речь сохранилась. И почти все это трудное время рядом был, ухаживал за Ниной верный муж – Петр. Не роптал, не жаловался – просто и естественно нес свою тяжелую ношу. «Последний из могикан» – так называла я его мысленно. Колхозный тракторист, он всегда, пешком ли шел или ехал по дороге на своем веселеньком тракторке-

«шассике», навстречу ли нам или обгоняя, – неизменно сдергивал с седой головы кепку или – зимой – шапку и кланялся.

В начале нашего служения на приходе таких старорежимных, старосветских стариков, да и мужчин средних лет, было немало. Снять шапку и приветствовать священника легким – или глубоким – смотря по отношению человека к священническому сану – поклоном было для многих нормой поведения. Но эта традиция, как и привычка носить летом головной убор, постепенно уходила. Петр оставался последним. Когда я встречала его на дороге, мне всегда становилось радостно и день тот оказывался удачным. И казалось, что так будет всегда: веселый «шассик» – и улыбочивый поклон из кабины. Но и Петр ушел, на несколько лет раньше своей Нины. А Нину Господь удержал почти до нынешней Пасхи. И вот еще один Белый Платочек взлетел в вечность.

...Каждое воскресенье, каждую праздничную службу в моменты коротких передышек в пении вглядываюсь я с высоты клиросного балкончика в разноцветье праздничных платков, ищу среди них Платочки Белые – моих дорогих стариков. Все ли тут, на своих местах? Вот Евфросиния, вот Анна – наши старинные певчие: хоть и не в силах уже подняться к нам наверх, а тоже трудятся – подпевают. Когда в 1980 году мы с батюшкой впервые вошли в наш храм, они уже стояли на клиросе. И только пару лет тому назад передали эстафету новым певчим, среди которых две дочери Анны. Вот, рядом со мной, моя бесценная Любовь Ивановна. Со всем уже не за горами ее 80-летний юбилей, а замены ее редкому по тембру голосу – дисканту – я так и не найду. Бывает, на вечерней службе, когда и в храме-то никого нет, на клиросе – двое-трое певчих, и наша Любовь – обязательно одна из них, ни единой службы не пропустит. Как и Пелагея – ее ровесница. Послушание Пелагеи – возле центрального подсвечника. Кажется, нехитрое дело – за свечами последить да кадило разжечь. А случилось как-то ей заболеть на недельку – и хоть плачь: много людей в храме, а к кадилу подойти боятся, пришлось батюшке самому

во время Херувимской выходить и раздувать погасшие угольки...

Вон, возле лавки (в случае чего – присесть) – Домночка, заступившая в храм место своей матери – Иулиании. Это по-церковному – Иулиания, а по-простому – Ульяна. Вдова, потерявшая на Великой Отечественной мужа, она так и не вышла больше замуж, растила свою Домночку, vychаживала внуков, правнуков. И нас не забывала: к каждому празднику приносила бидончик «деланной», или «запущенной», сметанки. Вкуснятина, которая городским жителям и не снилась, что-то наподобие ряженки, но только – наподобие. Готовилось это чудо долгим томлением молока, в которое «запущен» стакан сметаны, в русской печи, до образования сверху аппетитной коричневой корочки. Ульяна каждый раз, вручая мне трехлитровый бидончик, на всякий случай извинялась: «Простите, если что не так – внутри не была». Домночка, встречаясь со мной в храме, тоже вспоминает «мамину сметанку» и сокрушается, что нет у нее больше коровки. Сынок, правда, обещал купить, да боязно – силы уж не те...

Но что это за шум пронесся по храму? Оборачиваются на входную дверь прихожане, улыбаются. Мне еще не видно, но уже слышу под нашим балкончиком дробный топоток. Так и есть – Марию привезли. Самый главный наш Белый Платочек – всего четыре года до векового юбилея осталось. А и видит, и слышит, и расскажет после службы свои нехитрые новости, и почти на своих ноженьках, только дочь под руку поддерживает. Простучит в кожаных тапочках по храму, сядет на стульчик возле самого амвона, чтобы лучше разобрать каждое слово литургии. И обязательно – поисповедоваться и причаститься. Зимой, конечно, батюшка причащает Марию на дому, а летом – в храме. В нем теперь вся радость ее жизни.

Живите долго, дорогие наши Белые Платочки. Живите – и учите нас вашей радости, вашему неизбывному терпению и смирению. Всем нам, каждому в свой срок, предстоит покинуть этот мир. Дай Бог, чтобы в мире ином узнали мы друг друга по белым платочкам.

Правило, которое никогда не следует забывать

Сегодня стало общим местом говорить о противостоянии. Между отдельными людьми, между странами и народами. Между политическими, этическими, религиозными системами. О противостоянии, которое принимает все более ожесточенные формы. Можно утверждать, что «кто-то сгущает краски». Но в мире неспокойно – это едва ли можно отрицать. И потому особенно важно правильно понимать и применять «правило другой щеки», о котором говорит Христос в Евангелии.

К разговору на эту тему я пригласил известного писателя и исследователя литературы Павла Басинского. Стоит назвать лишь несколько его книг: «Лев Толстой: бегство из рая», «Горький. Страсти по Максиму», «Русская литература конца XIX – начала XX веков и первой эмиграции», «Посмотрите на меня. Тайная история Лизы Дьяконовой», «Сюжеты и лица» – и не нужно объяснять, почему именно Павел Валерьевич стал нашим гостем. Изучение жизни и творчества Льва Николаевича занимает, пожалуй, наиболее заметное место в его трудах. Их отличают подчеркнуто свой взгляд автора, принципиальность позиции, которую могут разделять не все. Однако это не значит, что она не имеет права на существование.

Павел Демидов

– Николай Мир Ликийских Чудотворец не только не подставил свою щеку, но влепил оплеуху Арию. И это ему не вменяется в вину. Вероятно, есть ситуации и ситуации. Например, когда совершается святотатство. Так?

– Давайте сразу оговоримся. Я – человек светский и не могу отвечать за то, как поведет себя в этой ситуации человек глубоко церковный, к какой бы конфессии он ни принадлежал. Но я думаю, что церковный человек должен защищать таинства своей веры, в том числе и ее материальные формы – храмы, алтари, иконы... Если, выражаясь словами Пушкина, варвар «колеблет твой треножник», разумеется, надо его выгнать вон. И сделать это не рассуждая, а по внутреннему естественному чувству возмущения. И потом, таинства на то и таинства, что они нуждаются в сокрытии, во внешней защите от глупцов, невежд и агрессоров. Арий – другой случай. Арий отрицал Божественность Иисуса, был еретиком, основоположником арианства. Он был отлучен от Церкви, сослан после Никейского собора, потом, кстати, возвращен при императоре Константине. Это внутрицерковная история, история борьбы различных течений и умонастроений внутри христианской Церкви. Неправильно это примерять к себе. Не будем забывать, что святитель Николай был архиепископом и на нем

кроме ответственности за свою душу лежала ответственность за пасомых. Я себя в этой ситуации представить не могу, но думаю, что он на своем месте поступил правильно.

– Но в вашей книге «Святой против Льва» есть эпизод, когда отец Иоанн Кронштадтский подставляет вторую щеку студенту, ударившему его. А студент, между прочим, прикуривал папиросу от лампы. У меня лично поступок батюшки вызвал недоумение. Или я не прав?

– Нет, у меня этот поступок не вызывает недоумения. Так же, как не вызывает недоумения то, что отец Иоанн отказался выступать на суде против своего обидчика полицмейстера Кронштадта Головачева. На отца Иоанна были прямые покушения, но он никогда не подавал на этих людей в суд. Что он сделал, когда увидел, что студент прикуривал от лампы? Он остановил его, сделал внушение. Студент стал его провоцировать, ударив по щеке. Дескать, покажи мне, какой ты есть христианин. Он ему показал – подставил вторую щеку. То есть перевел агрессию студента на себя. Совершенно ясно, что после такого продолжать кощунствовать в храме будет уже чистой воды хулиганством, а не героизмом. Ну, избил ты старого священника – вот еще доблесть! Стидно! Студента этого, кстати, вывели из храма другие люди. А отец Иоанн после это-

го удара стал глхнуть. Это называется пострадать за веру, не пожалеть себя ради нее. Мне кажется, так и должен вести себя настоящий священник. Но хулигана из храма нужно выставить, и сделать это должны миряне, защищая не только свой храм, но и своего пастыря. Впрочем, не мне об этом судить.

– Мне казалось, что «другая щека» – это метафора, покрывающая сферу личных отношений. Не случайно же ее рассматривают как антитезу принципу адекватности – «око за око». А сюжет со студентом это вроде опровергает.

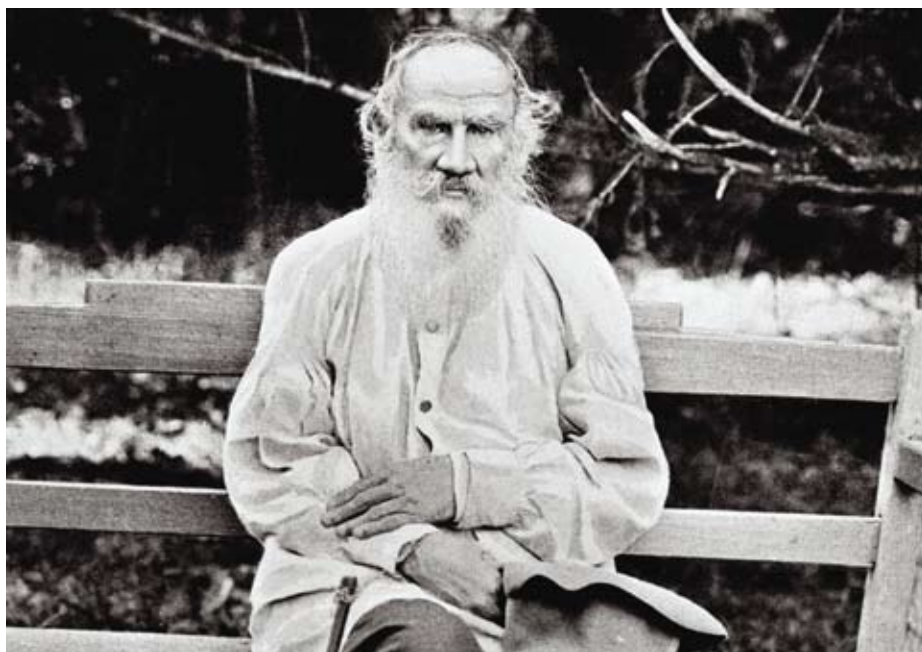
– Это и метафора, и не метафора. Для начала попробуйте нанести оплеуху правой рукой по правой щеке. Вы не сможете это сделать, не вывернув свою руку в крайне неудобное положение. Вы сможете ударить только тыльной стороной ладони (если вы не левша). На это давно обратили внимание. Удар тыльной стороной ладони по правой щеке был жестом в Риме, означавшим презрение к человеку, а отнюдь не желание его ударить. Смысл жеста такой: пошел, я тебя презираю, ты ничтожество! Это жест высокомерия, а не агрессии. Вот что имел в виду Христос: не отвечайте гордостью на гордость, проявите свое смирение, простите врага. А мы превратили это в конкретную проблему: что делать, когда тебя бьют? Но это бессмысленный вопрос! Одно дело, если ударили сильного и здоро-

вого мужчину. А если женщину, ребенка, инвалида? Они что, должны подставлять другие щеки и бока? Абсурд! Я думаю, в подобных ситуациях каждый ведет себя интуитивно, а не цитирует про себя Евангелие.

– «Другая щека» дает право предполагать, что в том, кто ее подставляет, прочно поселилось смирение. Но всегда ли смирение уместно? Если смирение – это борьба с собственными страстями, то, наверное, уместно всегда. Но разве не бывает ситуаций, когда смирение вступает в противоречие со здравым смыслом? И если в этих случаях не смиряться, как быть с «другой щекой»?

– Хотел бы я увидеть людей, в которых «прочно поселилось смирение»... Это не просто трудно, это же практически невозможно! Из стадий духовного развития, которое предлагает христианство, я для себя выделяю три по нарастающей трудности их исполнения: неосуждение, смирение и любовь к людям. И кажется: как это просто – не осуждать. А на деле – невозможно! Достаточно проследить за собой – и вы увидите, что каждый день хотя бы один раз вы про себя кого-то осудили. И это первая ступень... Так что нам с ней бы справиться, а уж до смирения подняться – всей жизни не хватит. Может, я ошибаюсь, но таков мой личный опыт, а за других я не могу отвечать. Мой же опыт таков, что я стараюсь не создавать ситуаций, когда кто-то захочет ударить меня по щеке. В прямом и переносном смысле. Разумеется, это не выходит, в переносном смысле особенно. И вот здесь я стараюсь помнить о неосуждении. А драться буквально я просто не умею.

– Не могу не вернуться к вашей книге. Великое противостояние двух гигантов – духа и мысли. Можно так сказать? Гиганта духа – отца Иоанна – можно попрекнуть избыточным, особенно для христианина, неприятием своего оппонента. Но, с другой стороны, он ведет себя как Николай Чудотворец с Арием, и выходит, он прав. А гигант мысли – Лев Толстой – по правилам светской этики предстает в более выгодном свете, и это меняет полюса отношений к обоим персонажам. Лично мне, например, становится больно за отца

«Можно согласиться с П. Басинским: конфликт Л. Толстого с отцом Иоанном был отражением глубинного кризиса веры, когда писатель “спасал” веру от Церкви, а отец Иоанн отстаивал ее исключительное место в деле спасения. <...>»

Иоанна, но возникает некое тепло к Льву Николаевичу, чего в принципе у меня не было раньше. Что вы думаете по этому поводу?

– Во-первых, они оба были гигантами духа. Почему-то некоторые православные люди не хотят понять, что духовные поиски не исчерпываются даже христианством. Не исчерпываются православным вероисповеданием. Если Толстой был неправославным, а это так, это не значит, что он был неверующим и даже что он не был христианином. Собственно, в этом и состоит горечь конфликта между Толстым и Церковью. Она боролась с самым, быть может, верующим писателем в России. Не с атеистом Фетом, не с Тургеневым, не с Чеховым, даже не с Маяковским, а именно с Львом Толстым, который вторую половину жизни утверждал одно: без веры в Бога вообще нет жизни! Претензия Толстого к Церкви заключалась в том, что непосредственная вера в Бога превратилась просто в обряд, в исполнение утвержденного ритуала, да еще, не будем забывать, утвержденного в качестве государственного закона. Кто скажет, что не было проблемы? Ни один ответственный историк Церкви не скажет.

Во-вторых, Толстого нельзя сравнивать с Арием хотя бы потому, что

он не был церковным иерархом и даже не был священником. В этом парадокс его отлучения от Церкви. Теоретически так можно было отлучить как минимум две трети русского дворянства, русской интеллигенции. Просто они, в отличие от Толстого, не высказывали взгляды публично. То есть, говоря современным языком, молчали в тряпочку. И сложилась ситуация: пассивный атеизм устраивал нашу Церковь больше, чем радикальная постановка Толстым вопросов, на которые все равно рано или поздно нужно отвечать. Не ответили вчера, не хотим отвечать сегодня – будем отвечать завтра. Все равно придется открыть глаза и признать, что подавляющее число людей сегодня посещают храмы по большим праздникам, чтобы ребенка окрестить, венчаться красоты обряда ради, покойника дорогого как-то достойно похоронить, хоть что-то для него сделать, – на самом деле глубокой веры в Церковь они не имеют. И родись они в Индии, молились бы на миллион языческих богов. И ничего страшного в этом нет. Это – жизнь.

Что касается поведения отца Иоанна и его высказываний о Толстом, то я в своей книге попытался подробно объяснить это исходя в том числе

В последние месяцы своей жизни о. Иоанн молился о том, чтобы Господь скорее призвал Л.Н. Толстого на Свой суд, ибо «земля устала терпеть его богохульство», и предсказывал, что писатель не сможет покаяться перед смертью, ибо «чрезмерно виновен в хуле на Св. Духа».

Протоиерей Георгий Ореханов. «Лев Толстой. «Пророк без чести»»

и из психологии отца Иоанна, из его воспитания, из его жизненного опыта. Это был абсолютно противоположный толстовскому опыт в плане близости к Церкви. Для отца Иоанна Церковь с детства была всем – и сестрой, и матерью, и отчим домом. А для Толстого – нет. Он был барин, аристократ... Русские аристократы традиционно презирали белое духовенство, особенно простых батюшек, которые отличались от мужиков только тем, что не сеяли и не пахали (хотя часто и сеяли, и пахали от нужды). Монахи – другое дело. Монахов, особенно старцев, все-таки уважали, потому что видели в них людей «не от мира сего». Юродивых, странников уважали, особенно женщины-аристократки: принимали жить в свой дом, кормили, слушали их рассказы... А сельский «поп» – это объект иронии и насмешек, в лучшем случае беззлобных. Куча детей, живет на деньги от треб, малообразован. Ну какой он духовный авторитет? Но отец Иоанн, который прошел путь от сына нищего дьячка до высочайшего церковного авторитета, знал, сколь труден этот путь, и, конечно, имел право негодовать на Толстого за его слова о священниках. (Между прочим,

Толстой всегда пресекал насмешки над белым духовенством, когда слышал это в разговорах толстовцев, и терпеть не мог слово «поп», считал его унижительным. И еще говорил: простые священники – это лучшие люди, которых он встречал в жизни. Но отец Иоанн этого знать не мог, потому что лично с Толстым так и не встретился.) В этом конфликте было очень много личного, «человеческого, слишком человеческого». И это делает для меня этот конфликт понятным и близким.

– Если бы к вам обратились с прямым вопросом, что же это все-таки такое – подставить другую щеку, как бы вы на него ответили?

– Я никогда не буду подставлять другую щеку, потому что это будет игра и лицемерие. Я предпочитаю воспитывать в себе смирение в самых обычных жизненных ситуациях, но и это у меня плохо получается.

– Часто ли вам лично приходилось оказываться в ситуациях, которые требовали подставить другую щеку?

– Были такие ситуации... Чувствуешь, что тебя несправедливо обижают, что ты прав, что обвинения против

тебя – ложные. Я – человек публичный, и нередко меня критикуют за мои статьи, за мои книги. Я взял себе за правило никогда не отвечать на такие высказывания. Кстати, этому меня научил Толстой.

– Не случалось ли вам встречать такое? Ты подставляешь другую щеку, а твой оппонент не только не успокаивается, но, напротив, раздражается еще больше. Чем это можно объяснить?

– Часто бывает. Проявление великодушия сплошь и рядом принимают за слабость и согласие с тем, что тебя правильно оскорбили. Но именно в такой ситуации нужно продолжать проявлять великодушные. Иначе оно ничего не стоит.

– Насколько реально в нынешних условиях даже серьезно воцерковленным людям исповедовать «правило другой щеки»? Мне кажется, противостояние в обществе достигло такого высокого градуса, что это самое правило звучит анахронизмом. Вам так не кажется?

– Я думаю, мы преувеличиваем градус общественного противостояния. Кое-чему мы все-таки научились за XX век. Нам, например, кажется диким то, что происходит на Ближнем Востоке. Как ни крути, мы стали цивилизованнее. Никто не хочет потрясений, революций, а тем более – гражданской войны. Что касается глубоко воцерковленных людей, которых я очень уважаю и которым, может быть, даже завидую, то их главная проблема не в том, чтобы щеки подставлять или не подставлять, а в определенном догматизме их взглядов, отсутствии широты понимания проблем. Я это болезненно чувствую по отношению к Толстому – сатана, безбожник, и всё тут! И читать его не будем! И в аду пусть горит! Меня поражает, подавляет эта уверенность людей, что кто-то за что-то уже горит в аду и они об этом точно знают! Причем какая-то радостная уверенность. И если это – «христианство», то увольте меня от такого «христианства»! Не надо никому щеки подставлять – просто оставайтесь добрыми и разумными людьми. Для меня это первично.

В ожидании чуда

Мы продолжаем разговор о несвойственном для коммунистической идеологии явлении советской жизни, в искусстве в частности, конкретно – в кинематографе, – о попытках некоторых мастеров экрана донести до зрителей мысль, что Бог хоть и «отменен» правящей властью, тем не менее существует, как существовал всегда.

В конце 60-х был поставлен один хороший фильм, который всем понравился, но никто не мог понять его смысл. Назывался он «Степень риска», и им в кино дебютировал Илья Авербах – к слову, художник далеко не интуитивный, как большинство шестидесятников, а глубоко концептуальный, истинно семидесятнический.

А сюжет там был таков. В центре ленты возникал образ старого хирурга в исполнении Б. Ливанова, который всеми силами старался спасти очень тяжелого, почти безнадежного больного – ученого-физика, которого играл И. Смоктуновский. И больше в фильме ничего особого не происходило – так, будни больницы, но все течение его было предельно напряженным, тревожно-драматическим, а интонация – вроде как привычной для конца 60-х – экзистенциальной. Однако ничего такого на экране не наблюдалось: старый хирург честно исполнял свой долг, а его 40-летний пациент если и испытывал некий психологический надлом, но отнюдь не в своей душе, а в сложных и запутанных отношениях с женой, время от времени его навещавшей. Более того – казалось, ему и

не нужно было собственное спасение, за которое так бился хирург. Больной беспрестанно злобно иронизировал над своей немощностью и грядущим финалом собственной жизни, норовил задеть всех окружающих, в том числе и своего предполагаемого спасителя, и вообще не выходил из своей раздраженно-отстраненной маски – похоже, его страшно раздражало, что он умрет, а все остальные останутся живы. Но в этом не было экзистенциального несовпадения с самим собой – наш герой явно давно смирился с неизбежностью своего ухода. Получалось, что его и спасать-то было не так уж обязательно: всем своим видом он давал понять, что земные дела завершил и больше его ничего тут не держит. Оставалось лишь только прекращающееся раздражение по отношению к этой ситуации, а заодно и по отношению ко всем окружающим. Меж тем именно за его жизнь старый хирург бьется как ни за чью другую. Он и сам до конца не может объяснить себе почему.

Потому что в нем он спасает Бога. В нем он спасает уходящее из мира утонченно-интеллигентское созна-

ние – даже не сознание – состояние. Ибо через этот беспрестанный скепсис, тягу к злой иронии, через это не к месту возникающее гаерство, через эти лишние слова и ненужные в их отношениях цитаты, которыми козыряет больной, – вообще через его тотальное раздражение миром в герое И. Смоктуновского открывается удивительно незаурядная, особая, не похожая на остальных личность. Если и испытывающая экзистенциальный кризис, то причиной его является только одно – Смерть. Постоянным ее предчувствием его взгляд на мир усугублен, он становится каким-то сдвинутым, во всех отношениях болезненным, чуть ли не гротесковым, но на самом деле сей взгляд – точен и глубок. В нем хорошо просматриваются черты именно нового, именно пронзительно интеллигентского, абсолютно несоветского, несовкового сознания, которое и народилось-то совсем недавно – в начале 60-х. А сегодня, в финале эпохи, уже и вправду необходимо заботиться о его спасении. Иначе Бог умрет.

Мы не знаем, удастся ли спасти этого человека, но все строение фильма, весь дух его, вся его интонация направлены только на Спасение. Что и создает жесткое метафизическое напряжение в картине. Впрочем, метафизическое ли? – для метафизики оно слишком реалистично, слишком растворено в привычной текучке происходящего.

«Иду к тебе...»

«Степень риска»

«Фокусник»

Нет названия духовному стилю фильма. Просто в нем лирико-экзистенциальные 60-е и метафизично-притчеобразные 70-е впервые протягивают друг другу руки, встречаясь в пространстве самой что ни есть привычной для шестидесятников, самой обычной жизни. Никаких котурнов, никаких символов, никакой метафоричности – просто текущие будни. А в подспудном ощущении – нет, не метафизика – какая-то глубинная онтология бытия. Причем, бытия исчезающего, утончающегося, сдувающегося, тяжелеющего на глазах, теряющего свою былую легкость. Кажется, само время болеет, как этот герой. И старый хирург не только его жизнь спасает – принимает на себя бремя этой уже давящей, застывающей онтологии.

Если приглядеться, и мир фильма чуть иной, чем в других лентах поздних 60-х, в нем нет ни радостно-тревожного открытия мира, ни печали прощания с этим открытием – в нем есть сам этот мир, от которого уже никуда не деться. Но он... серый какой-то, малоприятный – он не впускает в себя, как ранее, и не выталкивает из себя, как в экзистенциальном кино, – он просто давит. Подспудно на экране возникает образ некоего хронотопа безысходности – и ничего ужасного в нем нет, кроме постоянного ощущения давления бытия.

Почти было найденный шестидесятниками Бог их уже оставил? Да нет. Более того – он даже впервые наконец-то, пусть интуитивно, но осознан. Ибо теперь за Него надо биться. Вот еще най-

ти бы точку приложения этой битвы, да еще в атеистическом пространстве...

Может, теперь ее нужно искать в самом человеке? Но не так-то это просто, особенно если человек сей таков, как герой Смоктуновского... Может, тогда в себе самом? Но это что-то непостижимое – самому найти в себе Бога? А как это сделать, путь-то уж больно несоветский, непонятно, с чего и начать...

Но ясно, что искать нужно через стоицизм. Стоицизм перед миром. И хирург из «Степени риска» именно стоицизм сей и находит – вот в таком вот путаном, мутном пациенте, вот в таком малоприятном человеке, которого играет Смоктуновский.

А другие авторы другого фильма открывают этот стоицизм в найденном ими, совершенно уникальном для советского кино, герое. Его зовут Кукушкин, и является он героем фильма П. Тодоровского по сценарию А. Володина «Фокусник», а играет его З. Гердт.

Кстати, далеко не случайно, что в «Степени риска» нашего больного физика играет именно Смоктуновский. Перед нами прямой наследник тех, кто несли в себе дух легкий, парящий, свободный и поэтому, конечно же, стоицистский – это были и Куликов из «Девяти дней одного года», и Гамлет, да отчасти и Деточкин. Только один, Куликов, пребывал на втором плане, блистательно его одухотворяя; другой, Гамлет, представлял собою персонажа классического, из другой эпохи; а третий, Деточкин, уж слишком являлся

чудиком. То есть только дух сей начал проявляться, как вот уже и умирать ему пришла пора. Главное, что это чувствует не только герой Ливанова. Это уже разлито во всем мертвеем советском мире. Скоро у оного мира начнется истерика – повальная эмиграция, особенно еврейская, уходы в алкоголизм... а летящий легкокрылый Гермес 60-х – Шпаликов – увь, и здесь превратится в символ нарождающейся эпохи духовной стагнации – не просто сопьется, а еще и покончит самоубийством. Кстати, не столько от творческой безысходности (тут как раз, вопреки многим легендам, все было вполне сносно – и заказы были, и деньги были, правда, только лишь заказы – заветным замыслам Шпаликова дорога пока была закрыта), сколько просто от невозможности более заливать свой цирроз алкоголем, боли стали невыносимыми, финал предreshен.

Но вернемся к «Фокуснику»-Гердту. Я не случайно именно так написал, ибо весь замысел создается на Гердта, и не просто на его человеческую индивидуальность, но и на национальную. Иными словами, герой сценария – еврей.

В 90-е к Гердту приклеится обозначение «ребё нашего кино». Так, внимание! – именно ребё. То есть в его героях все подспудно почувствуют исконную еврейскую религиозную онтологию и идущую откуда-то из древности – вот только неизвестно, из Ветхого Завета или из Нового.

Эта онтология и будет лежать в основе замысла Володина и Тодоров-

«Девять дней одного года»

«Гамлет»

ского. Только герой Ливанова в «Степени риска» своего «Бога» найдет в лице героя Смоктуновского, а они, два глубоко укорененных в советской реальности и уже почти забывших о своем еврействе автора – Тодоровский и Володин, вдруг вспомнят о чем-то большем, но о своем, исконном.

Героя «Фокусника», конечно же, изначально будут звать Лев Абрамович... там какой-то... Герцман-Шмерцман... никто уже и не помнит как. Ибо, разумеется, имя сие авторам было предписано заменить еще на стадии заявки. И получился он совсем даже вроде и русским Виктором Борисовичем Кукушкиным. Только Володин с Тодоровским знали одно: не утвердят им Гердта – фильма не будет. Ибо Гердт на экране не несет в себе ни одной русской черты – иностранцем еще может быть, но русским – увольте.

Утвердили. Причем, как-то легко. Правда, авторы запустили свой проект не на официальном «Мосфильме», а в нарождающемся хозрасчетном творческом объединении ЭТО, возглавляемом Г. Чухраем и В. Познером-ст. Более того, «Фокусник» станет первым созданным ими фильмом. Так что сознательно ли, подсознательно, но именно в год противостояния СССР и Израиля на экране возникает явная сионистская вылазка. Ха-ха.

Только это очень хорошая вылазка. Это очень правильная и необходимая вылазка. Правда, когда она произойдет, власти фильм выпустят (полагаю, что от некоторого страха – только не «иудейска», а сугубо «русска»), но оценивать его в прессе будет запрещено. Так и пройдет он тихо по экранам как некая психологическая... трагикомедия, что ли. И никто об этой выдающейся ленте всерьез не задумается: запрещено, нельзя.

Кукушкин (очень хочется закавычить его – «Кукушкин») в фильме чем-то напоминает того героя Смоктуновского из «Степени риска». Он тоже пребывает в некоем напряженном и немного раздраженном внутреннем состоянии, но, конечно, не столь ярко выраженном, как у во всех смыслах тяжелого пациента из фильма Авербаха. Напряжение Кукушкина возникает из осознаваемой им чужеродности,

причем опять-таки онтологической. Он изначально выпростан из тепло-го коллективного тела – русского ли, советского ли, идеологического ли – неважно. Он – иной. И дело вовсе не в том, что он какой-то там великий творец, которого не понимают окружающие. Нет, он предельно скромный, совершенно обычный, особыми талантами не блистающий фокусник, артист Москонцерта. Он не творческий свой мир выстраивает – человеческий. И основа этого мира – тотальная невозможность и нежелание подвергаться чьему-нибудь мало-мальскому давлению, постоянное сохранение чувства собственного достоинства. Он не гнет-ся под нажимом, не ломается, даже не ускользает от него – он просто пребывает вне его. И строит свою жизнь только так, как сам считает нужным. И только там, где считает нужным. С остальными пространствами он даже диалога не ведет, он просто исчезает из них: они ему не нужны. Для своих зрителей, которым фокусы показывает, он превращается воистину в творца, раскрывается даже ярче, чем позволяет его талант, и в первую очередь – человечески. То же и по отношению к друзьям, и, даже если кто-то из них совсем не талантлив, как его приятель-сатирик (В. Басов), Кукушкин все равно будет смеяться его шуткам, тем самым и под-держивая его, и даря радость общения. С дочкой же отношения будут значи-тельно хуже (а точнее, именно напря-женнее), а уж с начальником (Е. Лео-нов), вполне милым и безобидным «сов-ком», кажется, и вовсе ужасные. И тот никак не сможет взять в толк почему и все будет стараться наладить с героем хоть какой-то контакт. Точнее, опять-таки постоянно давить на него оной попыткой контакта, разумеется, не без привычных для советского социума нормальных начальственных «захо-дов» с проявлением пусть не жесткой, но власти. И невдомек ему будет, что не ужасные и не плохие у него отношения с Кукушкиным – их просто не суще-ствует. Кукушкин отнюдь не ненавидит своего начальника, как считает тот, он просто пребывает вне его поля. И ког-да женщина, вполне милая и интелли-гентная, с которой герой решит связать свою судьбу, на помолвке потребует у

него пойти и извиниться перед оби-женным начальником, тот скажет: «Хо-рошо» – уйдет и не вернется вообще. И даже не позвонит.

Сумасшедший, наверное, подумала она. Нет, не сумасшедший, но явно не от мира сего. Именно так – не от сего, не от советского мира, основа которо-го постоянное давление всех на всех. Социум давит на людей, и они пре-красным образом превращаются в его рабов. Все друг друга учат, а то и пере-воспитывают (сюжет перевоспитания вообще всегда был одним из главней-ших в советском искусстве), все ста-раются переделать того, кто рядом, по своему образу и подобию. При том, что нет ни образа, ни подобия. А может, по большому счету – и сознания, есть нормальный способ существования людей, глубоко укорененных в этой жизни, в этом социуме, в этой среде и давно смирившихся. И даже не знаю-щих, что свое, глубинное, данное им от рождения сознание и миропонимание они утратили.

А Кукушкин, чужой, – нет. Он не просто его сохраняет, он выстраивает мир согласно исключительно своим и только своим, принципам. Не прини-мая ничего, что ему чужеродно, в том числе и любые проявления дьявола.

Громко сказано? Возможно. Но беда в том, что всё, что направлено на кол-лективное, привычное, поверхностное, а значит, антииндивидуальное, а соот-ветственно, и давящее, обламывающее всё на свете – то, что так или иначе не вписывается в привычные рамки, – всё это явно не от Бога. И ничего такого уж особо страшного тут нет – жизнь как жизнь и другой быть не может, и все привыкли и подчинились, в том числе и дочка Кукушкина. Но только не он. Потому что он – вне. А значит, строит свой индивидуальный мир только по своему образу и подобию. Таким обра-зом превращаясь в Бога, точнее – неся в себе именно Его черты. Более того – Кукушкин ведет свое движение по жиз-ни отнюдь не интуитивно, а предельно сознательно. И свою связь с этим выс-шим началом в себе не теряет. Более того, внутренне он его прокламирует, ибо с пути своего не сходит.

И происходит чудо – вдруг пре-дельно бытовой, обыденный путь ге-

роя открывает в себе черты *пути*, а отчасти и *пути крестного*. Ибо в нем заложен ген неизбежного одиночества. И своей веры. Вот только в отличие от потерявших свой путь и свое понимание мира героев экзистенциальных лент того же времени это одиночество, эта «долгая счастливая жизнь» Кукушкина не пугает. Ведь для него она воистину и долгая, и счастливая. Несмотря на все тяготы и треволения. Ибо он чувствует глубинную духовную опору. В том числе и за счет своей, как и было сказано, изначальной чужеродности этому миру.

В какой-то степени Володин написал автопортрет. Если мы прочтем его мемуарные статьи, его интервью, мы легко отыщем в нем черты Кукушкина.

По своей даже не интонации, а просто «картинке» «Степень риска» и «Фокусник» весьма похожи. Только лента Авербаха помрачнее, в ней постоянно присутствует дыхание смерти. Но в любом случае мир в этих фильмах вроде бы совершенно нормален и преисполнен живого житейского движения. Но он не тревожно экзистенциален, а именно, как и было сказано, тяжело-вато сер. И зима, непрекращающаяся зима разливается в нем, слякотная тепловатая московская зима... Нет, это не печальная осень или холодное лето из «Крыльев», «Июльского дождя» или «Коротких встреч». Зима... «Только бы не извериться, пока стоят холода», как будет сказано в процитированной в предыдущей статье песне начала 70-х на слова Г. Поженяна и музыку Е. Стихина.

Но зима не может продолжаться вечно. И вот в финале ленты П. Тодоровского наш замечательный фокусник пойдет на бульвар, достанет свой волшебный цилиндр, начнет показывать фокусы – и наступит Преображение, начнется лето. Только очень может быть, что перед нами сон, несбыточная мечта, удивительная греза...

Что ж, остается искать спасения именно в этом. Бог 60-х, кажется, все-таки умер: он был слишком хорош для этого мира. Мир 70-х замирает в ожидании *нового пришествия* – фокусник из фильма П. Тодоровского дает ему посыл. Но посыл не услышан. Семидесятники в своих поисках Бога пойдут

не от человека как от Образа – пойдут от метафоры.

Бог даже появится на экране начала 70-х в самом что ни есть «истинном», «реальном» обличье. На советском экране впервые возникнет Христос. И возникнет Он, конечно, в национальном кино, из последних сил пытающемся наследовать традицию фольклорно-метафизического кинематографа 60-х, идущую от «Теней забытых предков». С этой линией, с этой традицией власти будут бороться что есть мочи, но она все-таки станет мучительно прорастать. Но именно мучительно – увя, растение сие никто не поливает, никто за ним не ухаживает, и оно вырастает несколько уродливым. Но все же вырастает!

Бог предстанет перед нами в фильме Н. Машенко «Иду к тебе...», рассказывающем о любви Леси Украинки к революционеру Сергею Мержинскому. Революционер умирает от чахотки, но и сама Леся тоже умирает, и тоже от чахотки. Все умирают, все страдают, Машенко счастлив, это его любимая тема: главное, «шоб уси вмэрили». Ибо во всех своих фильмах заявляет себя как трагика. Трагизм для него – это мучение и преодоление какого-то непременно тяжелейшего страдания, коим он последовательно – от первого кадра до последнего – упивается. Не удивительно, что с его фильмов бегут вон, а телезрители просто выключают ящик. Но зрители не всегда правы: порой режиссер в своем «аду» снимает фильмы и замечательные, например «Овод». Более того, все они отмечены печатью таланта. Да и вообще, слишком уж нестандартные, что тоже неплохо.

«Иду к тебе...» удачей явно не называть, ибо представляет собою ложную притчу, лишённую какого-либо внятного смысла. Течение ее явно метафизично – озаренные и во всех смыслах нездоровые люди на крупных планах произносят какие-то пафосные речи о счастье человечества, после чего предпочитают двинуться куда-то в сторону гроба – то ли к гибели, то ли к смерти. Чем они все провинились и в чем их трагическая вина, совершенно непонятно, ибо они даже ничего не успевают совершить. Они всего лишь

декларируют собственные утопии. Среди них «затесался» и Христос, вымечтанный Лесей. Он тоже предстает на крупном плане, причем почему-то в исполнении К. Степанкова, играющего в фильме еще и не очень «правильного» революционера-радикала, по настроению склонного к терроризму.

Параллель между этим героем и Христом в фильме довольно дика, хотя и случайна: Машенко, скорее всего, берет Степанкова на роль Бога исключительно из-за его внешних данных. Правда, есть некое подозрение, что режиссер и Христа воспринимает как некоего радикала, что, конечно же, в корне неправильно. Последнее допущение чисто авторское: что у Машенко на уме, все же остается неясным, ибо Христос в фильме тоже не успевает ничего совершить и ни на кого повлиять. Появился и исчез. Почему власти «пропускают» Его на экран? Он – один из героев в произведениях Украинки, видимо, в этом весь секрет. А Его образ в какой-то степени все же задает тон и всему фильму, ибо тут все герои – такие, как и Он, «боги»: что-то выскажут пафосно в камеру, а потом исчезнут, толком даже не успев войти друг с другом во внятные отношения. Конечно, это ложные боги, боги пустоты и утопии, но автор этого не чувствует, ему важно лишь одно – что все они *озарены*.

Иными словами, Бог появляется на экране начала 70-х, чтобы, как и все персонажи фильма, прорвать наступающую и давящую серость *пафосом веры*. Вера пока ассоциируется только с верой в грядущее счастье людей, то бишь с революцией. Видимо, Н. Машенко считает, что вот такими, как его герои, должны стать все – и тогда исчезнет морок серости и случится какое-то непонятное чудо. Какое – никто, впрочем, не знает.

Куда интереснее интерпретация подлинно религиозных смыслов, возникающая на экране начала 70-х. Видимо, подобные смыслы и не могли не возникнуть: все глубже постигая наступающую духовную безысходность, интеллигенция мудреет и ищет путь спасения.

Но об этом мы поговорим в следующем раз.

Свидетель многих судеб История одного московского особняка

Мало кто из живущих в Москве или посещающих столицу знает, где находится библиотека имени К.Д. Ушинского. А ее видел практически каждый, кто хоть раз в жизни искал Третьяковскую галерею. Но видеть не означает знать. А знать, как показывает жизнь, не означает думать. Но подумать, находясь возле библиотеки, носящей имя похороненного в Киеве русского педагога и писателя, есть о чем. И прежде всего – о необычных и удивительных судьбах людей, которые в разные периоды нашей истории жили и бывали в этом красивом особняке.

Аммос Прокофьевич Демидов¹ происходил из славного и могущественного рода знаменитых уральских промышленников. Его отец Прокофий (Прокопий) Акинфиевич был страстным садоводом и ревностным благотворителем. Именно таким запечатлел его на холсте известный живописец екатерининской эпохи Д.Г. Левицкий. С полотна картины на нас смотрит необычный вельможа. Он одет в простую домашнюю одежду, удобную для

занятий физическим трудом. Но при этом его поза исполнена благородного величия и монументальности, что свойственно классическому парадному портрету. Барская осанка вельможи несколько контрастирует с большой железной лейкой, на которую опирается крупная фигура Прокофия Акинфиевича. На заднем плане мы видим силуэт Московского воспитательного дома, которому Прокофий Демидов пожертвовал огромные денежные суммы, не считая четырех тысяч пудов сибирского железа, привезенных им для его строительства.

Сыну, к сожалению, не передавалась любовь отца к природе и физическому труду на земле, но зато он унаследовал его баснословные капиталы, а также хороший эстетический вкус и пристрастие к роскоши. В 1772 году вместе со своей супругой Анной Никифоровной (в девичестве Вяземской) он покупает у майора Петра Камищева большой участок земли в Толмачевском переулке (ныне Большой Толмачевский переулок). Здесь Аммос Демидов построил превосходный дом-дворец в классическом стиле. Точных данных о том, кто был архитектором особняка, нет.

Супруга первого владельца роскошного особняка в Толмачевском переулке Анна Никифоровна Вяземская происходила из древнейшего русского дворянского рода. Ее отец, Никифор Кондратьевич, входил в ближайшее окружение царевича Алексея – сына императора Петра I. Когда наследнику исполнилось шесть лет, его начали обу-

¹ К сведению читателей: главный редактор журнала не имеет отношения к этим Демидовым.

чать грамоте. Учителем к нему и был определен Никифор Кондратьевич Вяземский. Близость к царевичу, обвиненному впоследствии в государственной измене, отразилась из-за этого и на судьбе его наставника, но, по счастью, практически не повлияла на жизнь его дочери. Вместе со своим мужем Аммосом Прокофьевичем Демидовым в особняке в Толмачевском переулке Анна Никифоровна регулярно устраивала великолепные балы и пышные приемы. Супруги жили на широкую ногу, их дом всегда был полон блестящих гостей из высшего света. Овдовев, Анна Никифоровна стала сдержаннее.

В конце XVIII века усадьба и дом в Толмачевском переходят к княгине Елизавете Ивановне Загряжской. В 1805 году усадьбу обновили. В XIX веке она занимала большую, нежели теперь, площадь – простиралась парковым ландшафтом за восточным корпусом чуть ли не до самой Ордынки, а за главным – до Пыжевского переулка. На бывшей территории сада с фруктовыми деревьями, липами и прудом ныне расположено здание «Росатома» и высотный корпус института «Гиредмет».

В 1812 году во время громадного пожара Москвы, когда Замоскворечье было почти полностью сожжено, сильно пострадала и эта постройка. При восстановлении в 1814 году главный дом получил новую обработку парадного (северного) фасада, почти полностью сохранившегося до наших дней. Боковые фасады заданий остались в прежней архитектурной трактовке.

В середине XIX века новой владелицей дома Демидовых становится

Художник Д.Г. Левицкий сохранил для истории образ родоначальника могучей династии Демидовых Прокофия Акинфиевича. И сейчас, спустя три с лишним века, многие, заслышав эту фамилию, спрашивают: «Вы не из тех?»

Мария Федоровна Соллогуб, урожденная Самарина, – невестка писателя В. Соллогуба и сестра знаменитого славянофила Юрия Федоровича Самарина. Она была дамой светской и держала нечто наподобие литературного салона. Философ Владимир Соловьев, который не раз посещал его, писал: «Вспоминается мне большой, просторный дом – барский оазис среди купеческого Замоскворечья, – против Николы, что в Толмачах, близ Ордынки». В салоне Марии Федоровны Соллогуб часто проходили популярные в то время диспуты между славянофилами и западниками. Кроме известных славянофилов (К.С. Аксакова, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова и других) активными участниками дискуссионного клуба

интеллектуалов в доме Демидовых были и священники Никольского храма в Толмачах. Они приходили сюда слушать домашние всеобщие, потом оставались на беседу. Вместе со священниками здесь бывал молодой диакон Федор Алексеевич Соловьев. Ему позднее было суждено участвовать в самом выдающемся церковном событии предреволюционной России – избрании патриарха Тихона. Удивительная судьба молодого священнослужителя заслуживает отдельного разговора.

После того как в доме Демидовых отшумели страстные споры славянофилов и западников, а под его сводами смолкло эхо пламенных речей лучших представителей московской интеллигенции, в 1880-е годы здание заняла Шестая московская казенная гимназия. В ней учился замечательный русский писатель Иван Сергеевич Шмелев.

Ключевое слово в названии этого учебного заведения – казенная. Шестая гимназия слыла одним из самых жестких и мрачных учреждений этого типа. Иван Сергеевич, вспоминая свои гимназические годы, писал: «Одиннадцать лет я поступил в гимназию. Здесь меня точно прихлопнуло. Меня подавили холод и сушь. Это самая тяжелая пора моей жизни... Тяжело говорить. Холодные, сухие люди. Слезы. Много слез ночью и днем, много страха».

Кроме И.С. Шмелева в гимназии учились литературовед Корнелий Зелинский, биолог Николай Кольцов, кинорежиссер Всеволод Пудовкин; поэт, критик и переводчик Георгий Чулков; лингвист Николай Дурново, журналист Александр Амфитеатров.

Колокольня храма святителя Николая Чудотворца в Толмачах как раз напротив демидовского особняка

Гимназия существовала в особняке Демидовых до 1915 года, когда главный дом был занят госпиталем для душевнобольных воинов. Тогда же внутри здания были произведены переделки классов под палаты, в окнах и на лестничных клетках поставлены деревянные решетки.

Госпиталь «продержался» до 1917 года, а с 1918-го здесь снова размещалась гимназия, затем реорганизованная

в 1-ю школу 2-й ступени Замоскворецкого района (некоторые преподаватели гимназии продолжили в ней работу, проживая во флигелях). В наследство школе от гимназии достались архив и громадная библиотека, дополненная фондами некоторых других упраздненных гимназий, а также книжными собраниями частных лиц.

После школы дом поочередно занимали другие организации: школа-семилетка, детский сад, спецшкола ВВС (Военно-Воздушных Сил, а не вражеской радиостанции из Лондона, как кто-то может подумать), детский дом. С 1942 года в усадьбе Демидовых стала располагаться Центральная библиотека по народному образованию при Наркомпросе. Библиотека продолжает работать и сегодня, только под другой вывеской. С декабря 2011 года ее официальное название выглядит так: Федеральное государственное научное учреждение «Научная педагогическая библиотека имени К.Д. Ушинского» Российской академии образования (ФГНУ «НПБ им. К.Д. Ушинского» РАО). Ее адрес – Большой Толмачевский переулок, дом 3.

Сегодня мы все спешим. В сторону демидовского особняка если кто-то и смотрит, то лишь для того, чтобы лучше рассмотреть редкой красоты чугунные ворота, мастерски изготовленные на одном из фамильных уральских заводов во времена Аммоса Прокофьевича Демидова. Кто-то задерживает шаг, на мгновение останавливается и делает селфи на их фоне. О том, что

за причудливым кружевом чугунных ворот пересекались удивительные судьбы многих талантливых и необычных людей, думают единицы. Хочется верить, что после нашей заметки это количество несколько возрастет...

Ограда особняка изготовлена на одном из демидовских же заводов. Чудо как хороша! Но еще большее чудо, что не попала в утиль или к кому-нибудь на дачу

Странствия Капли

Жила-была Капля. Она образовалась от таяния снега на крыше круглой приземистой башни, притулившейся у подножия холма. Капля трепетала, держась на конце сосульки, но упасть не боялась, поскольку внизу уже образовалась лужа и падать, казалось ей, будет не больно. Однако Солнце пригревало слабо, таяние сосульки приостановилось, и Капля так и висела, наблюдая за жизнью на земле.

А там, внизу, покоились посеревшие сугробы. Тонкие ручейки, подтачивая снежный панцирь и огибая препятствия, собирались в бурлящий ручей и бежали под уклон, к реке. На открывшиеся от снега пятачки прилетали нежные синицы, суетливые воробьи и маститые галки. Они стучали клювами по чуть оттаявшей земле, отыскивая, чем бы поживиться. Капля удивилась, увидев серого с коротким хвостом кота, пробиравшегося по насту туда, где не было ни одной кошки. Но, увидев вдалеке, между деревьев, другого, примерно такой же масти, но безушербного, его собрата, поняла: борьба может быть не только за кошачье сердце, но и за территорию.

А ей? Нужна ли Капле какая-то собственная территория?... У нее нет ни дома, ни друзей. Вчера она лежала в сугробе на крыше, сегодня висит на конце сосульки. А завтра?... Нет у нее и врагов – она ощущает себя принадлежащей всему миру. А мир при этом отражается в ней!

Однако мир не всегда был расположен к Капле.

Поднявшийся к вечеру ураганный Ветер устрашающе просвистел:

– Фью-взьють! Держись, Капля, крепче, а то мигом разметаю тебя по белу свету!

Капля рада бы попутешествовать, посмотреть мир. Но если бы она поддавалась Ветру, то разлетелась бы вдребезги. И собрав всю свою волю, держалась из последних сил.

– Э-ге-гей! – гаркнул утренний Мороз. – Берегись! Сейчас заморожу!

И хватил Каплю со всей силой, на какую был способен. Она дрожала, ежилась, сжималась, и только эта дрожь показывала, что Капля еще жива. Хотя что это за жизнь?! Скованы все чувства, отсутствуют каких-либо мысли...

– Ужасно холодно! – пищала она, надеясь, что Мороз смилостивится.

К счастью, утренний богатырь ярился недолго. Он как-то обмяк и спрятался, увидев оранжевый шар, выкатывающийся из-за горизонта. А исчезая, пробурчал себе под нос:

– Я, собственно, ничего плохого и не собирался делать. Так, немножко пощипал кое-кого – для тонуса.

Ближе к полудню потеплело, сосулька потекла, и Капля, упав на землю, выросла среди стайки белоголовых, таких же, как она, снежных капель – подснежников¹.

Из окна башни открывался чудесный вид на сад, тянувшийся по всей долине,

¹ Подснежник – по-английски snow drop, буквально – снежная капля.

пока еще заснеженной. Но скоро повсюду потекут ручьи, заливая низины, а весеннее Солнце сотрет последние зимние штрихи, затерявшиеся в ложбинах, и весь сад займется первоцветом, зазеленеет яркими клейкими листочками и утонет в белоснежных нарядах яблонь, грушевых деревьев, вишен, терновника. Эти деревья будут напоминать очаровательных невест, готовящихся к новой жизни. Да только не все они смогут облечься в подвенечные платья и радоваться ее пришествию. В башне жила дочь высокопоставленного сановника, которая еще имела Каплю надежды на счастье, но эта Капля уменьшалась день ото дня.

Эта прекрасная девушка полюбила юношу из простого народа, и отец, который не имел королевских кровей, но воспитывал дочь как принцессу, узнав о непозволительных чувствах своей дочери, распорядился укрепить окна башни решетками и поставил у дверей стражу. Девушка-принцесса оказалась пленницей, с трудом мирилась со своим положением и ожидала возлюбленного – принца тоже не по крови, но по дару любви, который мог бы освободить ее.

– Хоть бы увидеть его, – шептала она. – Хоть бы капельку времени побыть с ним рядом!..

Капля встрепенулась: говорят вроде бы про нее... И вдруг почувствовала, что она просолилась. «Что такое? Почему?» – осматривалась она вокруг.

– Ты плачешь? – услышала она голос принца. – Но ведь я люблю тебя!

– И я тоже, – горячо отозвалась принцесса, в то время как по ее щеке катилась большая слеза. – Но у меня такое предчувствие, что мы с тобой больше никогда не увидимся.

– Вот букет подснежников! Он будет напоминать тебе о нашей любви. И о том, что мы с тобой будем вместе, как вот эти цветы в букете... Я вернусь, – уверял принц. – Я непременно вернусь! Служба в армии сейчас не опасна. Ведь наш король не ведет никакой войны и на нас никто не нападает... Нам надо подождать... совсем недолго.

Принцесса держала в руке незатейливый букетик, нюхала его и что-то приговаривала, восхищаясь тонким ароматом цветов и печалась о расставании.

Капля смотрела на принцессу, слушала ее, переживала за нее. Но где же принц?

Рядом не было уже никого. Слезы крупными каплями катились одна за другой по бледным щекам юного создания с золотистыми локонами, и Капля упала на грудь девушки, чтобы дать дорогу другим слезам.

– Почему она плачет? – спросила Капля сестриц. – Ведь ее никто не видит. А плачут же всегда для кого-то.

– Не всегда, – возразили слезинки. – Иногда плачут для себя. От жалости...

– От жалости к себе? – удивилась Капля. – Но ведь это бессмысленно! Разве это что-нибудь изменит? К тому же всякий человек, жалеющий сам себя, часто вызывает у окружающих одно недовольство.

Капля вместо сострадания почувствовала неприязнь к своенравной барышне, показавшейся ей вдруг просто капризной девчонкой. «Наверное, правильно, что ее посадили в эту башню, – подумала она. – Пусть посидит, помучается!».

Капля-слеза тотчас потеряла соль и стала ни к чему не годной.

Утренний Мороз, будто бы не имевший серьезных намерений кого-либо ужалить, на попутном южном Ветре помчался на север, чтобы поговорить со снежным Бураном.

– Слушай, – обратился Мороз к нему. – Ты тут сидишь, кемаришь, в ус не дуешь. А надо бы подуть!

– Да куда уж нам, – обреченно произнес Буран, – апрель же в разгаре. Наша песенка спета. Сиди и ты тут, дождайся своего часа.

– Нет, братан Буран, сдаваться рано. Следующая зима когда наступит?! А силушку-то мы еще не растратили. Давай гульнем напоследок, а?

И так азартно утренний Мороз свистнул, так смачно крикнул, что снежный Буран не смог усидеть на месте. Он взвился, закрутился на одном месте, поднялся ввысь и полетел на юг, увлекая за собой Мороза.

Вся земля, уже полностью открывшаяся было для весеннего обновления, оказалась под снегом. Даже Солнце не могло ничего изменить, хотя очень старалось. Оно посылало яркие лучи, которые россыпью самоцветов отражались от плотной белой брони, нисколько ее не уменьшая.

Скованные Морозом и накрытые Бураном подснежники вновь превратились в настоящие снежные капли. Слезная Капля от страшного холода уже не пищала жалобно, а неистово ругалась:

– Проклятый Мороз! Да сколько можно?! Весна же на дворе...

Капля дрожала не столько от холода, сколько от неприязни и не знала, куда от нее деться.

Новый снег, принесенный Бураном, будто специально приходил за старым, чтобы увести его из долины и освободить землю. Ожили и сестры-подснежники, начавшие поднимать понурые головки. Запели синицы: синь-дзинь. Засвистели на все лады скворцы. Зашебетали оживившиеся воробы. Прилетела ворона, принялась дербанить полиэтиленовый пакет.

– Так-так, – злорадствовала Капля, – проглоти хоть небольшой кусочек. Глядишь, скорее подохнешь!

Но ворона, не слыша убийственного совета, отклевала кусок пленки и полетела строить жилище для птенцов. Не всё из щепок да веток строить. Нужно и новые материалы применять!

Подснежники были бодрыми и веселыми, будто никакой Мороз и никакой Буран их не затронул.

– Почему вы такие счастливые? – спросила их Капля, с неприязнью проведя взглядом машущую крыльями ворону. – Вас морозили-морозили, засыпали-придавливали, а у вас такой вид, будто это не коснулось вас.

– Мы держались вместе. Одной смеей легче переносить любые невзгоды.

И Капля позавидовала им.

Мороз, покинувший землю, не угомонился. Он закрадывался в души людей, выстукивал их и делал все возможное, чтобы человеческие сердца превращались в ледышки. Капле зависти нравилось это, и она гуляла по местам безводным, отыскивая себе пристанище.

Она проникала и в сердце землепашца, который завидовал силачу-кузнецу, и

в сердце кузнеца, с завистью взиравшего на хлеботорговца-толстосума, и в сердце хлеботорговца, находившего повод позавидовать землепашцу, например, тому, что у того молодая статная жена, в отличие от его – старой и вечно недовольной. Однако все это не делало жизнь Капли интересной и насыщенной. Время тянулось для нее медленно и скучно. Капля уже не раз пожалела, что связалась с этой тоскливой завистью. Да как от нее избавиться?.. Но тут она добралась до королевского двора!..

В отсутствие короля, которыйправлял здоровье на горных источниках, военный министр, движимый завистью ни много ни мало... к самому монарху, подговорил маршала выдвинуть армию в соседнее государство, чтобы помочь падишаху.

– В конечном счете наша военная поддержка сделает его зависимым, – рассуждал министр, многозначительно пуская изо рта табачный дым. – И это обернется нам поддержкой материальной – золота же у него... о-го-го!..

– Но выйдет ли что из этой затеи? – подыгрывая министру, спросил маршал. – И как нам убедить нашего... – он хотел вставить уничижительное слово, но вовремя опомнился, – гм, несговорчивого короля?

– Главное – ввязаться в бой, а там все утрясется, – произнес министр, утопая в клубах дыма.

– Да, победителей же не судят! – заключил маршал, и медали на его груди решительно звякнули.

Король был против военных действий, стоивших королевству и немалых денег, и людских потерь, но, по возвращении с целебных источников, у него не хватило Капли решимости, чтобы воспротивиться готовому приказу военного министра. И поставил свою подпись.

Капля зависти, увеличиваясь словно на дрожжах, стремительно превращалась в Каплю ненависти и захватывала сердца всех без разбора: министров, военачальников и даже миролюбивого короля. Чтобы оправдать затеянную кампанию, он произнес пламенную речь перед солдатами и командным составом армии:

– Нам не нужна территория этого государства! Мы в ней не нуждаемся. Нас не интересуют золотые запасы падишаха!.. Мы хотим... мы должны помочь дружественному народу в борьбе с врагами! Потому что их враги – это наши враги!.. Я назначаю себя главнокомандующим и сам буду руководить боевыми действиями.

Военный министр аж присел, услышав этакое. Заместители и помощники бросились к нему, думая, что их патрона хватил удар, а у него в душе от зависти не осталось и следа, потому что вся она до капельки превратилась в ненависть – не к врагу, конечно, а к своему королю.

Ненависть вселилась и в сердца королевских солдат. Капля распухла от гордости – ее слушают, ее воспринимают, ее желаниями руководствуются.

Молодой воин, представлявшийся любящему сердцу принцем, совсем не был воинственным. Он любил музыку, играл на дудочке и свирели, был застенчивым и робким. Капля гордости, таившаяся в его сердце, помогала ему справиться с робостью, но это не облегчало ему жизнь. По приказу отца возлюбленной он был взят в королевскую армию и отправлен на войну.

– Одна Капля ненависти!.. Лишь одна Капля каждому солдату перед боем! – приказал главный маршал своим командирам. – И они пойдут воевать как самые отчаянные головорезы.

Королевские воины, помогая дружественному народу, бежали с искаженными криком лицами, стреляли в кого попало и «смело» погибали под вражескими пулями. Главный маршал, сидя в своем замке, радовался победам, не горевал о потерях, на место погибших требовал свежих новобранцев. И принц... совсем не воинственный наш принц рвался в атаку, стрелял, убивая врагов, и после боя, когда солдаты добавляли сами себе по Капле ненависти, смачно рассказывал о своих подвигах...

Не сказать, что он совсем забыл возлюбленную, бывало, и вспоминал, но очень отдаленно, как-то неясно, будто чью-то дальнюю знакомую, о которой ему просто рассказывали. Никаких желаний играть на дудочке и свирели у него уже не было, потому что его душа, как и у всех солдат, была заполнена одной лишь ненавистью.

Нашему принцу повезло: его, контуженного, вынесли с поля боя и отправили лечиться. По ночам ему мерещились рукопашные схватки, стрельба, кровавые раны, он в ужасе вскакивал с кровати и потом никак не мог заснуть. Опустошенная душа требовала одного – Капли ненависти. И он вновь начал принимать их каждый день. Даже когда вернулся домой.

Мать сокрушалась, мучительно переживала, видя сына в таком состоянии, пыталась вернуть его к прежней жизни, купила ему сладкозвучную свирель. Но ничто не интересовало бывшего солдата. Капля ненависти, соединившись с

Каплей гордости, толкала его на бесчинства. В доме он все крушил, жутко ругался и в порыве гнева поднимал руку даже на родную мать. Она старалась терпеть, скорбно плакала и молилась.

За успешную операцию по уничтожению врагов падишаха король наградил главного маршала Орденом решимости. Осунувшийся, совсем поверженный военный министр от растерянности только пошевелил губами:

– Кто же ему вручать будет? Сам... себе? – и вместо того чтобы вытереть капли пота на лбу, затушил об него сигарету.

Капля ненависти расхохоталась, как только узнала про награду, и закончила смеяться, увидев растерянного министра с пятном пепла на лбу. Искренний смех помог ей освободиться от ненависти, и только сейчас Капля поняла, как она от нее устала. Захотелось вспомнить времена, когда она была прозрачной и весь мир чисто отражался в ней, когда была красивым весенним подснежником и радовала влюбленных, наконец, когда была слезой и в ней была жалость. Капля начала было даже жалеть... но поймала себя на том, что жалеет себя, вовремя спохватилась и отбросила это наваждение. Она стала скорбеть, что утерья соль, которая благодаря состраданию была в ней прежде. А как вновь осолиться?..

И тут Капля обнаружила, что катится вместе с другими слезами по материнским морщинистым щекам.

– Как же нам помочь? – сокрушалась Капля, думая про несчастного воина, его мать, принцессу и превращаясь в Каплю жалости.

– Ох, тяжелое это дело! – воскликнула Капли-слезы. – Ее сын так сроднился с ненавистью, что каждое утро принимает по пять капель. И для любви в его душе совсем не осталось места.

– Надо проникнуть в его сердце, – в горячем слезном порыве произнесла Капля, – чтобы он вспомнил свою возлюбленную и вернулся к жизни.

– Но... – смутились сестры-слезы, – попав в его сердце, ты можешь погибнуть от разрушительной силы ненависти.

Капля уже не слышала подружек. Жалость к бывшему музыканту обернулась в ней глубоким состраданием. Некогда она не боялась упасть, а теперь не страшилась даже смерти. Отважная Капля, оказавшись в сердце юноши, стала увеличиваться, расширяться во все стороны и превратилась в огромную, размером с это сердце, Каплю любви.

...Странствие Капли длилось год, а может, и не один. Она давно не замечала

времени, и, похоже, оно для нее просто не существовало.

С приходом нового тепла дочь сановника, как обычно, успокаивалась. В душе вновь возрождалась Капля надежды и воскрешала ее. Целыми днями девушка простаивала у окна, вспоминая своего возлюбленного принца и сквозь решетку любясь переменами в природе. Благоухали гиацинты, в крокусах возились шмели, распускались нарциссы и тюльпаны. Коты мирно гуляли по саду, валялись в траве, иногда что-то вынюхивая в ней и пожеывая ту или иную былинку. Они не завоевывали ничьи сердца, не дрались за территорию. Галки и вороны высидывали птенцов в гнездах, сделанных из старых и новых материалов. Соловьи отчаянно выводили трели, открывая всему миру, чем живет их душа.

Под воздействием Капли любви, которая достигла и дочери сановника, пленница вновь превратилась в принцессу, а башня перестала быть для нее местом заточения. Никакие стражи не были ей врагами, потому что ее сердце было заполнено лишь одной большой Каплей любви и никакой, даже самой маленькой, Капельке жалости к себе не нашлось в нем места. Принцесса уже не мечтала о появлении принца, который освободит ее, не выдумывала разговоров с ним. Она просто говорила. И слышала его.

– Я тебя люблю! – шептала она.

– И ты теперь тоже будешь жить вечно! – отвечал принц.

Они шли по цветущему саду, осторожно отодвигая от лица ветви, шли рядышком, держась за руки и глядя в одну сторону, куда-то вдаль.

Капля, упавшая бриллиантовой росой на ярко зеленеющую траву, расплылась в улыбке, тихо радуясь их счастью. Вспоминая свои странствия, она думала: Капля ненависти убивает, а Капля любви воскрешает. Все дело в выборе... Согревая Солнцем, тонким ароматом, она постепенно поднималась к небу. Это происходило до тех пор, пока от Капли не остался последний вздох:

– В руки Твои... предаю дух мой...

Но дыхание ее не исчезло в бездонном синем небе, а образовало Каплю небесную. Когда таких капель накопилось очень много, они теплым летним дождем пролились на землю. Наша Капля упала в океан и слилась с тысячами тысяч других таких же, как она, капель, чтобы среди сродных ей душ не исчезнуть никогда.

И океан был таким синим... Это был океан Любви.

ЛАМПАДА

в вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте **lampada-press.ru**

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

Напоминаем тем, кто предпочитает гарантированно получать «Лампаду» домой, а не покупать ее в церковной лавке: подписаться на журнал можно с любого месяца, но только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон
8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС
с фамилией и подробным адресом подписчика.

Подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. Благодарим.

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане
св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке

Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспаский ставропигиальный мужской монастырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском

Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском

Вражке

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Кадашах

свт. Иннокентия, митр.

Московского в Бескудникове

прп. Сергия Радонежского

в Крапивниках

ISSN 2225-0271

9 772225 027100